

АНАТОЛИЙ
УТКИН

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ПОЛНАЯ
БИОГРАФИЯ

«Я ЛЕГКО
ДОВОЛЬСТВУЮСЬ
САМЫМ
ЛУЧШИМ»

ЛУЧШИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
БИОГРАФИИ

Лучшие политические биографии

Анатолий Уткин

**Черчилль. Полная
биография. «Я легко
довольствуюсь самым лучшим»**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 63.3

Уткин А. И.

Черчилль. Полная биография. «Я легко довольствуюсь самым лучшим» / А. И. Уткин — «Алисторус», 2022 — (Лучшие политические биографии)

ISBN 978-5-00180-414-7

Полная биография Уинстона Черчилля, принадлежащая перу выдающегося российского историка А.И. Уткина, представляет собой яркое описание политической и частной жизни известного мирового лидера. Автору удается дать портрет не только своего героя, но и времени, в котором он жил, и в котором судьба России нередко была связана с политикой Черчилля. Несмотря на обилие фактического материала, книга очень легко читается: недаром она была признана в США лучшей иностранной биографией.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-414-7

© Уткин А. И., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЛЕЙТЕНАНТ ГУСАР	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Уткин Анатолий Иванович

Черчилль. Полная биография

ВВЕДЕНИЕ

Когда нация в кризисе, она должна обратиться к истории. Она должна увидеть свою судьбу узлом на огромном полотне исторического развития. Она должна учиться у тех, кто сумел преодолеть свой кризис.

В Лондоне, перед стенами Вестминстера стоит странный памятник главному герою британской истории двадцатого века. В грузной, покрашенной черной краской фигуре премьер-министра Уинстона Черчилля нет ничего от грации античных героев. Сгорбившийся старик, опершись на трость, мрачно смотрит на стены, внутри которых он своими речами некогда перехватывал дыхание слушателей. Скульптор справедливо решил, что Уинстон Черчилль не нуждается в приукрашивании, что бронзовая грация будет своего рода оскорблением характера человека, чья страстность и преданность стране была антиподом грациозному самолюбиванию. Английский народ принял Черчилля именно таким: настоящим, а не декоративным, творцом национальной истории. Черчилль служил Англии так, как каждый должен служить своей стране – с умом, с трепетной страстью к национальной истории, и в то же время с холодным расчетом. И уж конечно без самозабвенного пренебрежения судьбой страны в пользу жалкого личного успеха. Только так он смог добиться непреходящей любви своей страны и уважения всего человечества. Его яркая жизнь не была позой или “тенденцией”, она была органической реализацией преданности национальной истории, ее лучшим стандартам. Эта жизненная позиция была органическим продолжением великой политической и гуманистической традиции Англии, естественным проявлением лояльности к согражданам и любви к отечественным святыням.

Герой данной книги – Уинстон Черчилль интересен для нас, прежде всего, как особый тип человека, воплотившего в себе родовые черты Запада, прежде всего его индивидуализм и неукротимое стремление к самореализации. Именно в Черчилле мир признал последнего великого политика того Запада, который подчинил своему влиянию весь мир, открыл человечеству бездонные возможности науки и сохранил сострадание, приведшее к социальным реформам. Британская аристократия выделила из своих рядов на изломе девятнадцатого и двадцатого веков Уинстона Черчилля как бы для оправдания своего доминирования на национальной сцене. Жизнь Черчилля – это, возможно, последний привлекательный блик великого индивидуализма, сформировавшегося в городах Северной Италии в порыве Ренессанса, закрепленного Реформацией и веком Просвещения, и угасающего в университетах Америки, почти готовой устами своих фурулогов признать переход мировой эстафеты в двадцать первом веке к коллективистской Восточной Азии.

Обращение к Черчиллю продиктовано также интересом к уникальной нации, тысячу лет жившей без угрозы национального уничтожения, особенному обществу, которое сумело на основе компромисса аккумулировать цивилизационный опыт, совместить традиции с изумительной способностью к новшествам. Задутые домны вокруг Бирмингема – рукотворное свидетельство начала мировой промышленной революции. Активным участием во всех трех индустриальных революциях небольшая страна сумела занять положение авангарда в материальном развитии человечества. Британия сумела показать миру достоинство преемственности, ведущей к уважению личности и поощрению творческого начала. Лишь англичане сумели реабилитировать слово консерватор, показав необходимость сохранения традиций и установлений,

ценность опыта и пагубность его разрушения. Англичане встретили в двадцатом веке волну исторического отлива с мужеством и хладнокровием, которых так не хватает другим нациям.

Право Уинстона Черчилля на историческое почитание основывается на том, что, восприняв консервативные тенденции старой доброй Англии, он сумел провести государственный корабль своей страны через суровую историческую полосу, сохранив ее ценности, душевное здоровье и веру в себя. Полвека находясь на передовой линии политического бытия, Черчилль добился мирового признания как защитник лучших западных ценностей, как парламентский оратор, как исторический писатель и как политический лидер. Волею неумолимой судьбы жизнь Черчилля пришлось на время между пиком имперского влияния Британии и ее возвращением в Европу. Он помог своей стране сделать этот шаг без травм для национального самосознания.

Разумеется, он остро чувствовал отход своей страны от авангардных позиций в мире. В этом смысле он был истинный консерватор. Черчилль открыто говорил, что «утонченное время Людовика Четырнадцатого всегда предпочел бы современной эпохе «треска, жужжания, широко разинутых ртов и пожирающих глаз». Он был уверен в том, что «несчастливая судьба будет преследовать тех, кто разрушает традиции прошлого.» Будучи премьер-министром, он твердо приказал именовать Иран Персией, Стамбул Константинополем, а Анкару Ангорой. Он всегда говорил о короле Генрихе Восьмом как о современнике и отказывался знать о таких странах как Камбоджа и Гватемала. Лучшим временем для него была викторианская эпоха. Никто не видел Черчилля в парламенте иначе как в сюртуке и шляпе. Когда Гарольд Ласки назвал Черчилля галантным и романтическим осколком империализма восемнадцатого века, тот ответил : «Мне нравится жить в прошлом. Я не думаю, что люди найдут много хорошего в будущем». Главный противник Черчилля среди лейбористов – Эттли сравнил его со слоеным пирогом: «Один слой определенно семнадцатого века. Восемнадцатый век в нем очевиден. Есть и девятнадцатое столетие, ну и большой кусок, конечно, двадцатого века; и вот что любопытно, есть слой, который, принадлежит, возможно, к двадцать первому веку».

Человек, восхищавшийся прошлым, не только не был закрыт для новых идей, но постоянно их генерировал. Черчилль был создателем танка, одним из первых увидел значимость авиации, глубоко интересовался ракетами в 30-е годы, приказал разбрасывать алюминиевую фольгу, чтобы «слепить» радары немцев, предложил идею трубопровода по Атлантическим океаном, изобрел навигационный прибор для легчиков и предложил создать искусственные гавани при высадке союзников в Нормандии.

При этом речь идет об историке и писателе, издавшем пятьдесят шесть книг (сожалевшем только о том, что не осталось времени для биографий Юлия Цезаря и Наполеона), о самом оплачиваемом журналисте своего времени, о лауреате Нобелевской премии по литературе.

Черчилль не был известен одним каким-то деянием, одной кампанией, единственным достижением. Он не объединил Германию как Бисмарк и не спас страну от распада как Линкольн. Он был государственным деятелем иного склада, но без него Британии пришлось бы хуже в самое суровое время своей новой истории

Последний политик классической имперской эпохи, Уинстон Черчилль определял мужество как «сохранение достоинства под прессом неблагоприятных обстоятельств». Ему пришлось в немалой степени демонстрировать это качество. Сэр Уинстон Черчилль не жаловался на отсутствие противостоящих обстоятельств. Девяносто лет его жизни знаменуют переход из одной эпохи в другую. Выйдя из эры дредноутов и «бремени белого человека», Черчилль встретил мир атомного оружия, разделенный неистовой идеологической борьбой, мир национального самоутверждения, мир региональных интеграционных процессов не потеряв ясного мировидения, хладнокровия и самоуважения.

По мнению английского историка Р.Родса Джеймса, в лице Черчилля мы видим “одного из наиболее удивительных людей нового времени; и если Британской империи было суждено погибнуть, справедливо то, что на ее закате блеснул такой блик славы”.

Для англичан Уинстон Черчилль навсегда останется личностью, воплотившей суровой осенью 1940 года благородную общенациональную убежденность в том, что никогда бритт не будет рабом: “Мы будем сражаться повсюду, мы никогда не сдадимся”. Нами этот политик не может быть забыт хотя бы только потому, что 22 июня 1941 года он, единственный в мире среди глав крупнейших держав, объявил о союзе с нашей страной в час ее самого страшного национального испытания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЛЕЙТЕНАНТ ГУСАР

*Амбиция – вот главная сила.
У. Черчилль, 1897*

Столетие между июньским днем Ватерлоо и черным августом 1914 года представляет собой век британского всемогущества, редкое в истории явление внешней мощи и внутреннего мира – несмотря на внутринациональную поляризацию богатства и бедности. В эти дни английского морского и колониального всевластия страной правила узкая каста джентльменов – три тысячи землевладельцев с доходом не менее трех тысяч фунтов стерлингов в год. В то время, когда доход двадцати миллионов англичан был ниже 160 фунтов в год, сорок пять землевладельцев владели участками земли величиной более 100 тысяч акров каждый, пятнадцать аристократов имели доход 100 тысяч фунтов стерлингов в год.

Богатство в тот век не пряталось и не прибегало к ложной скромности. Не выделяться в обществе счастливым обладателям досуга и достатка было трудно даже внешне – скажем, в составе кабинета лорда Солсбери (1895 год) пятеро из шести ведущих министров были около двух метров ростом. Из девятнадцати членов кабинета семнадцать дожили до семидесяти лет, семеро пересекли восьмидесятилетнюю отметку, а двое отметили девяностолетие. И это в то время, когда средняя продолжительность жизни британца равнялась сорока четырем годам.

Аристократия Европы с завистью смотрела на островную элиту. Германские бароны стремились жениться на британских аристократках, во Франции весь бомонд собирался в “Жокей клубе”. Стиль и пристрастия англичан имитировались от моды до спорта. В Англии же наиболее популярным политическим “клубом” страны была палата общин, старейший в мире парламент. Менее одаренные (так полагал свет) шли в гвардию или в гусары, остальные отправлялись на флот или в церковную иерархию. Лишенные достатка аристократы имели выбор между юриспруденцией и журналистикой.

В палате общин 1895 года из 670 членов четыреста двадцать были свободными джентльменами, офицерами или юристами. Заработной платы законодатель, разумеется, не получал. На скамьях Вестминстера сидели представители самых знатных фамилий страны. Владельцев огромных замков хорошо знали: замок Бленхейм принадлежит герцогу Мальборо, замок Четворт – герцогу Девонширу, замок Уилтон – Эрлу Пемброку, замок Уорвик – Эрлам Уорвикам, Кнол – Сэквилсам, Хэтфилд – роду маркиза Солсбери.

Уинстон Черчилль по рождению принадлежал к этой аристократии, он появился на свет в тот исторический период, когда власть денег еще не преодолела силу родовой гордости. У его отца лорда Рендольфа Черчилля было от рождения и то и другое. Верно, что состояние семьи таяло, но потомок герцога Мальборо имел в своей стране недоступные другим возможности. На гербе семьи Черчиллей значилось: “Верный, но невезучий”. Уинстону Черчиллю с самого рождения предстояло опровергнуть вторую часть девиза.

Его отец и мать сочетались браком в 1874 году в здании британского посольства в Париже (в том здании, где герцог Веллингтон жил после Ватерлоо за шестьдесят лет до этого события). Тени двух величайших главнокомандующих британской истории – Мальборо и Веллингтона – стояли в начале пути величайшего британского политика военного времени.

День, когда лорд и леди Рендольф прибыли в родовой дворец Бленхейм был мрачным и дождливым. Жителям близлежащего городка Вудсток сообщили о прибытии четы лишь за день, но город успел вспыхнуть разноцветными флагами. Перед “Медвежьим отелем” мэр зачитал приветственный адрес с пожеланиями благополучия “благородному дому Черчиллей”. Под звуки духового оркестра молодоженов внесли в один из величайших дворцов Европы.

Бленхейм был создан архитектором Ванбруком как монумент общенациональной благодарности первому герцогу Мальборо – генерал-капитану, победителю при Бленхейме, Рамилле, Уденарде, Мальплакете, пресекшему посягательство французского короля Людовика Четырнадцатого на гегемонию в Европе. Все отмечали “неудобства” огромного дворца для частной жизни (Вольтер, скажем, назвал это строение “грудой камней”).

В памяти Черчилля отложились такие впечатления от Бленхейма: “Это был итальянский дворец в английском парке. Дворец строг в своей симметричности и завершенности... и все же здесь нет насильственно навязанного контраста, нет неожиданной разделяющей линии между первозданностью и свежестью парка, с одной стороны, и помпезности архитектуры, с другой... В Бленхейме я принял два очень важных решения: родиться и жениться. Мне повезло в обоих случаях”. Чтобы развеять скуку леди Черчилль поехала кататься на пони, что подтолкнуло естественный процесс, и в понедельник 30 ноября 1894 года, на два месяца ранее ожидаемого срока, Уинстон Черчилль появился на свет.

Черчилль с гордостью писал: “Я дитя викторианской эпохи, когда структура нашей страны казалась надежной и крепкой, когда в торговле и на морях страна не встречала достойного соперничества, когда представления о величии империи и о нашем долге охранить это величие росли с каждым днем.” Но после пика 70-х годов экономический рост страны замедлился и к концу века опустился до уровня 2 % в год, в то время как две страны – Соединенные Штаты Америки и Германия догнали “чемпиона девятнадцатого века”.

Соблазн объяснить становление характера Уинстона Черчилля обстоятельствами его одинокого детства, жесткостью школы, удаленностью родителей, достаточно велик, но его, видимо, следует избежать. Отстраненность от непосредственного воспитания детей была характерной чертой викторианской Англии, но не следует рисовать в случае с Уинстоном картины злосчастных диккенсовских приютов. Он учился в частных школах, приготавливаемый родителями и обществом, чтобы занять высокое положение. Его поролли в школе Сент-Джордж как и других, но наказание следовало лишь за преступлением. А Уинстон, если судить по школьным отзывам, был “жаден в еде”, хорош лишь в истории и географии, склонен к шалостям любого рода. Леди Рендольф Черчилль, рожденная в Америке, но серьезно воспринявшая новые для нее британские нравы, манеры и обычаи, пошла по проторенной тропе тогдашнего воспитания детей аристократии – передоверении своих обязанностей няне. Няни в аристократических семьях (в семье Черчиллей ее звали миссис Элизабет Эверест) ухаживали за детьми с самого раннего возраста и оставались практически членами семьи до юношеского возраста детей. В своем единственном романе Уинстон Черчилль так описывает няню: “Она ухаживала за ним с самого рождения с самоотверженностью и лаской, не знавшими предела. Странная вещь, любовь этих женщин. Возможно, это единственная бескорыстная привязанность в этом мире. Мать любит свое дитя – такова ее материнская природа. Юноша любит возлюбленную – это тоже может быть объяснено. Собака любит хозяина, тот кормит ее; мужчина любит друга, он стоял рядом в момент сомнений. Во всех этих случаях есть рациональное объяснение; но любовь приемной матери к своей обязанности кажется абсолютно иррациональной. Это одно из немногих доказательств, сложно объяснимых ассоциативным мышлением, того, что природа человечности выше простого утилитаризма, и того, что можно надеяться на благоприятную судьбу”.

Отец относился к Уинстону с традиционной для британской аристократии сознательной холодностью. Родственники рассказывают, что в семье Черчиллей вообще прохладно относились к детям. В викторианскую эпоху полагалось, чтобы детей не было видно и, желательно, не было слышно. Самым наглядным примером отчуждения матери и сына было отношение королевы Виктории к принцу Эдуарду, будущему королю.

Даже первые впечатления Уинстона Черчилля связаны с судьбой империи – он жил в имении наместника Ирландии, своего деда. С пятилетнего возраста Черчилль воспринял мне-

ние соседей-ирландцев, что сама жизнь, ее течение важнее формы. Аристократические забавы – охота и балы – тоже часть его детских воспоминаний. Воспитание и система образования закрепили генетический код героя нашего повествования. Ему с детства как бы вменялось в обязанность хранить исторические завоевания предков, крепить мощь Британии среди бурного моря “пришедшей в движение” истории.

В книге “Моя ранняя жизнь” Черчилль повествует о событиях, имевших место, когда ему было всего шесть лет. “В 1880 году нас вышвырнул из правительства мистер Гладстон. Гладстон был очень опасным политиком, который начал возбуждать население, доводя его до состояния неистовства. В результате народ голосовал против консерваторов и тем самым лишил моего деда места лорда-управителя Ирландии”.

Первый учительский упрек в адрес восьмилетнего Уинстона – “противостояние авторитетам”. Черчилль мог бы сделать эту скромную запись символом своей напряженной жизни, в которой было все, кроме почитания авторитетов. Редкие свидетельства его ранних лет говорят об одиноком по натуре мальчике, упорном в отстаивании своей независимости, не связанного узами тесной привязанности к родителям, оставившим его на попечение воспитателей.

В школе “Сен-Джордж” условия учебы были спартанские: восемь часов уроков ежедневно, за ними следовала игра в футбол и крикет. Ребенка из аристократической семьи пороли как и всякого другого. Уинстон преуспел в истории, но был совершенно глух к латинским глаголам. “Там, где дело не задевало мой ум, воображение или интерес, я не мог выучить ничего. Мои учителя считали меня одновременно и отсталым и скороспелым, читающим книги не по годам и в то же время карабкающимся где-то на дне. У них было много способов принуждения, но и я был упорным.”

При этом в таблице Черчилля была запись: “Не совсем понимает значения упорной работы”. Всей своей жизнью Черчилль опроверг это суждение. Уинстона однажды высекли за взятый сахар. Ответом потерпевшего было тайное уничтожение шляпы учителя. Но домой Уинстон Черчилль неизменно писал о том, как он счастлив в школе. Молодой джентльмен не имел права жаловаться.

1881 год был годом, когда родители Черчилля бросились в бой на высшей политической арене своей страны. Рендольф и Дженни Черчилль словно пришли к заключению, что от успеха в политике зависит все остальное – самоуважение, положение в обществе, да и сама судьба их супружества. Обладая литературным талантом, Дженни помогала мужу писать речи, которые день ото дня становились все более яркими. Произошла метаморфоза: покорный заднекамечник, повинующийся партийным решениям, вдруг стал уверенным в себе, агрессивным, пренебрегающим опасностями. Дилетант неожиданно быстро вырос в национального политика первой величины. Теперь все признали его ум, убийственную иронию, силу суждения, способность обаяния.

Сэр Рэндольф называл правительство Гладстона не иначе как “дети революции, грабители церквей, друзья беззакония”. Но при всем этом британский парламент мало напоминал русский. Дженни вспоминает: “Я была в палате общин, присутствуя при яростной атаке Рендольфа на Гладстона, который отвечал с равным жаром и возмущением. Часом позже мы с Рендольфом спешили домой, чтобы подготовиться к обеду с лордом и леди Спенсер. Я натолкнулась на мистера Гладстона, который сразу же подошел ко мне и сказал: “Я надеюсь, что лорд Рендольф не слишком устал для предстоящего приема”. Политических противников Гладстон приглашал к себе домой с равным великодушием, как и друзей. Все стремились быть джентльменами по Гладстону: обязательными в работе, анонимами в благотворительности, регулярными посетителями церкви по воскресеньям. И, имитируя Гладстона, хозяева приемов читали гостям Шекспира и Маколея.

Среди друзей Рендольфа Черчилля выделялся молодой Артур Бальфур, которому предстояло стать членом парламента в двадцать шесть лет (как и Рендольф Черчилль). Бальфура

называли “лучшим умом своего поколения”. Огромного роста, он едва помещался на парламентской скамье. В семье Черчиллей Артур Бальфур в четыре руки играл с Дженни Черчилль Бетховена и Шумана. Подлинный же лучший ум своего поколения беззаботно сидел рядом.

Еще одним приятелем сэра Рендольфа стал Джордж Керзон, его однокашник по Оксфорду – также человека чрезвычайно высокого роста. Бытописатель своего времени – Марго Асквит назвала его “замечательной интеллигентной личностью в этом исключительном по достоинствам поколении”. Другие же отмечали его высокомерие и тщеславие. Пройдет время и Уинстон Черчилль будет жить в мире “декларации Бальфура” (о создании Палестины) и “линии Керзона”(границы между Россией и Польшей).

Возможно наиболее талантливым из молодых противников Рендольфа Черчилля был Джозеф Чемберлен, который, начиная с нуля, стал к тридцати годам миллионером и покинул бизнес ради политики. Прославившись реформаторством на посту мэра Бирмингема, он вступил под своды Вестминстера в сорок лет. Внешне улыбчивый, но обладающий хладнокровным и твердым характером, Джозеф Чемберлен имел и “тайное оружие” – сына Невилля Чемберлена, прямого предшественника премьера Уинстона Черчилля.

К десяти годам Уинстон стал жадным читателем всех попадавшихся под руку газет. Его интересует захват бельгийцами Конго, демонстрация рабочих в Чикаго, сооружение статуи Свободы на рейде Нью-Йорка, изобретение Даймлером автомобиля. И, разумеется, “Копи царя Соломона” привели его в восторг, усиленный последующей встречей с писателем Райдером Хаггардом. Он стоял в толпе, приветствующей королеву Викторию на золотом юбилее ее правления, а затем мать и принц Уэльский взяли его на королевскую яхту, где ему пришлось познакомиться с еще одним будущим королем – Георгом Пятым.

Лорд Рендольф однажды зашел в детскую и долго наблюдал за игрой сына с огромным числом оловянных солдатиков. Он спросил сына, не желает ли тот поступить в армию. “Я думал, что было бы превосходно командовать в армии и я сказал “да” сразу же. Меня тот час же взяли на слово. В течении многих лет я думал, что мой отец, с его опытом и даром распознавания, нашел во мне военного гения. Как позже мне сказали, он пришел к заключению, что я недостаточно умен для адвокатской деятельности”.

Примерно в это время Уинстон впервые попал в дом простого английского служащего, который прочитал ему несколько абзацев “Истории Англии” Маколея, и эта проза вызвала у слушателя такое изумление, что он долго не мог ничего вымолвить. Примечательны цитаты, которые чуть позже выписывал десятилетний Черчилль из Маколея: “Рано или поздно, смерть неизбежно приходит к каждому. И может ли быть лучше смерть, если она приходит перед лицом огромных препятствий, за прах отцов, за храмы своих богов?”

Природа не наделила Черчилля крепким здоровьем: “Моим проклятием является слабое тело и я едва могу выдержать напряжение дня”. Подростком он стремился превозмочь физические ограничения – к примеру, прыгнул с моста трехметровой высоты и пролежал без сознания трое суток, всю жизнь его мучили простуды и воспаление легких, но нигде не найти у этого не знающего передышки оратора, обсуждавшего все мыслимые темы, жалоб на свое здоровье. (Черчилль всегда считал доблестью идти против течения. Когда в самолете загорелась надпись не курить, он немедленно зажигал сигару. Когда он вел автомобиль, то ехал только по крайней скоростной полосе. Даже после второй мировой войны, пережив инфаркт, три тяжелых воспаления легких, два инсульта и перенеся две операции, Черчилль продолжал есть, пить, курить без ограничений. Ему хотелось оставить о себе память как о Питте, нормой которого были две бутылки вина в день. Жить на пределе. Жить, а не существовать).

Школа Харроу, избранная для продолжения образования Уинстона, в общественном мнении уступала лишь Итону. Для “слабой груди” Уинстона, полагал сэр Рендольф, расположенный на высоком холме Харроу будет наиболее подходящим местом. Другим фактором в

пользу Харроу было то, что среди членов палаты общин было пятьдесят шесть его выпускников. Пусть сын с детства лично знает тех, кому предстоит управлять страной.

Как уже говорилось, в те времена перед отпрыском известной фамилии стояли три пути: церковь, адвокатура, армия. Первые два требовали убедительно продемонстрированных способностей в классических науках – именно это у Уинстона отсутствовало. Приступив к латинскому языку в восемь лет, он далеко не продвинулся. В нем был величайший, с точки зрения учителей, грех – отсутствие самодисциплины как основы академического ума. Его отношение к французскому языку и математике граничило с полным безразличием. Обладателю полутора тысяч оловянных солдатиков интересны были военные игры. Учитывая этот интерес, по достижении пятнадцати лет было решено готовить Уинстона к поступлению в Королевскую военную академию в Сандхерсте. Исходя из этой перспективы, молодой Черчилль вступил в особый военный класс Харроу.

Один из выпускников Харроу описывает его как “одинокого мальчика, обычно бродящего без компании, но известного всей школе”. Его индивидуализм был ярко выражен в эти годы становления личности. Уинстон не любил групповых игр, ему больше нравилось плавание. Именно в бассейне Харроу Уинстон столкнулся в воду Леопольда Эмери, с которым его сравнивали по талантам сорок пять лет спустя. Он много лет спустя рассказывал лорду Морану, что “все началось в Харроу”, где, скрывая отставание в латинском, Черчилль просил сделать переводы старших мальчиков. “Зато я открыл, что могу делать то, чего другие не могут – могу хорошо писать”. Уинстон Черчилль никогда не считал детство золотым периодом своей жизни. Напротив, “это был пустынный период моей жизни, время дискомфорта, ограничений и бессмысленной монотонности”.

В эти годы Черчилль открыл в себе неподражаемую память. В тринадцатилетнем возрасте он запомнил более тысячи строк “Римской истории” Маколея, и никогда уже не забывал. В старости он цитировал стихи, выученные в десятилетнем возрасте. После инсульта 1953 года он процитировал своему доктору, следящему за текстом, стихи Лонгфелло, заученные пятьдесят лет назад. Память станет его самым надежным рабочим инструментом. В пятидесятые годы нашего века он попросил сэра Дэвида Ханта найти точную цитату из Аристофана о том, что “качества, необходимые для написания трагедии и комедии одинаковы, гений трагик должен быть также гением комизма.” Хант подумал, что искать нужно у Платона, что “огни у Черчилля начинают затухать”, и ночью обратился к справочнику. К своему изумлению он обнаружил в знаменитом диалоге “Симпозиум” вымышленный диалог Платона с Аристофаном, которому и принадлежали упомянутые слова. Пораженный Хант спросил Черчилля, когда тот в последний раз читал этот диалог и получил ответ – в 1896 году, в возрасте двадцати двух лет.

Своеобразное психологическое притяжение политической борьбы “инфицировало” Уинстона в 1885-1886 годах, когда его отец принимал участие в решающих для себя выборах, когда его мать полностью отдала себя предвыборной кампании, и даже бабушка (вдовствующая герцогиня Мальборо) не чуралась вести пропаганду. Сэр Рендольф победил, но его партия проиграла, перейдя в оппозицию. “Что вы будете делать далее?” – типичный вопрос молодому политику. “Я буду лидером оппозиции в течение пяти лет, а затем стану на следующее пятилетие премьер-министром. Потом я умру”. Типичный черчиллевский вызов, воспринятый Уинстоном сполна.

Следующие выборы 1886 года принесли триумф союзу консерваторов с юнионистами (сторонниками союза с Ирландией). Лорд Солсбери стал премьер-министром, а сорокапятилетний Рендольф Черчилль – министром финансов и лидером палаты общин. Рендольф Черчилль выступал за реформы дома и оборонительные меры в империи – он ставил на первое место финансовое могущество страны. Но Солсбери не доверял амбициозному министру, как не доверял он массам, облагодетельствовать которые желал реформатор. Прибегнув к политическому блефу, лорд Рендольф предложил свою отставку, и Солсбери неожиданно принял ее.

Карьера министра прервалась на полном ходу, он никогда уже не получил шанса, на который мог рассчитывать благодаря своим талантам и связям. Лорд Рендольф до конца своих дней остался “обиженным” британской политической сцены. Возможно менее всего сэр Рендольф в дни своего отчаяния думал о сыне, который издали наблюдал за взлетом и падением отца. (Уинстон заучивал речи отца в парламенте наизусть). После 1886 года сэр Рендольф находится во власти смертельной болезни и уходит с небосклона общественной жизни. Печать этой семейной драмы отложилась на Уинстоне Черчилле, у которого появился своего рода “синдром обиды”.

В школе Харроу низкая оценка способностей Уинстона Черчилля определила специализацию. Отвращение к математике исключило возможность поступления в артиллерию и инженерные войска. Восемнадцатилетний Уинстон Черчилль стал кадетом-кавалеристом королевского военного училища в Сандхерсте. Он ожидал поощрительных комментариев отца, но тот, будучи уже серьезно болен, лишь упрекнул сына за “глупость и постоянные поражения”. Мать порицает его за неразумные траты – но Черчилль всегда жил как и большинство его родственников – не особенно задумываясь о долговой яме. Матери он пишет: “Нет сомнения, что мы одинаковы бездумны в тратах и экстравагантностях... Оба мы знаем, что хорошо и желаем иметь это. Мысли о плате оставляются на будущее”.

Между тем даже ранние письма Уинстона Черчилля определенно удивляют полетом мысли. На одном дыхании в них говорится о гимнастических упражнениях, выученном наизусть отрывке из “Утерянного рая” Мильтона, интересной лекции по астрономии, обсуждается вопрос о том, как научиться хорошо плавать, высказывается желание играть на виолончели и в конце (коротко) о неудачах. При этом мать и отец были в высшей степени критичны, буквально “уничтожая” своего сына за убожество словарного запаса, тупость выражений, отсутствия элегантности в прозе. Упрек относился к одиннадцатилетнему школьнику.

В военное училище Сандхерст поступали дети только высшего класса. Примечательной была суровость, с какой правящая Англия готовила к жизненному пути свою элиту. Занятия начинались в шесть сорок пять утра и продолжались, с перерывами на завтрак и ланч, до четырех часов пополудни. Главные предметы: чтение карт, тактика, военная администрация, юриспруденция, копанье окопов, стрельба, гимнастика, марширование, езда верхом. После четырех часов можно было заниматься спортом, бродить по живописным окрестностям, заниматься самообразованием. Строго в одиннадцать били отбой. При всей своей жесткости система так и не сломала Черчилля. И в военной казарме – и на всем жизненном пути – он не любил дисциплину, и в этом смысле слава беспрекословных спартанцев никогда не привлекала его.

Черчилль завершил экзамен в Сандхерсте двенадцатым из 150 кадетов. Его лучшие оценки приходится на конную езду, что и определило поступление в 4-й полк гусар, где главным занятием были военные упражнения. Это вело (пишет Черчилль) к “умственной стагнации”, что, может быть, соответствовало духу армии, но не Уинстона Черчилля. Этим объясняется его решимость начать систематическое чтение лучших книг по истории и экономике. Первыми в его списке были “Политическая экономия” Г.Фосетти, “Упадок и падение Римской империи” Гиббона, “Европейская мораль” Леки.

Тем временем паралич свел Рендольфа Черчилля 25 января 1895 года в могилу, он был похоронен на кладбище в Блейдоне, откуда виден дворец Блейнхейм, где двадцать лет назад родился Уинстон Черчилль. Опорой в жизни для Уинстона Черчилля стала мать. Ее экстравагантность была известна всему лондонскому свету. Но в свете обрушившихся на нее материальных трудностей она с трудом могла помочь сыну.

* * *

В середине 90-х годов прошлого века набат истории ударил по британской аристократии. На Олимп политики начала восходить буржуазия. Теперь дворянское звание можно было купить за деньги. С противоположного берега Атлантики Эмерсон с грустью писал об Англии: “Не существует страны, где более поклонялись бы богатству”. Будущий премьер Г. Асквит попытался облагородить образ своей страны: “Несправедливо говорить, что все здесь следуют лишь материализму и накоплению богатств”. Лидер восходящей партии либералов говорил о системе производства, которая губит вторую – бедную Англию. При невероятных богатствах, накопленных Лондоном, ее неоспоримом морском всемогуществе и главенстве в мировой торговле система эксплуатации заставляла усомниться в английском гуманизме. Рабочий в богатейшем городе мира получал пару десятков фунтов стерлингов в год. Закон позволял женщинам работать три ночные смены при шестидневной рабочей неделе. Детская смертность в непревзойденном индустриальном Бирмингеме составляла почти сто жизней на тысячу родившихся. Более двенадцати миллионов англичан (из общего населения в 45 миллионов человек) жили на грани хронического голода.

И на противоположном полюсе горели возбуждением. То был золотой век предпринимательства, когда средний класс, буржуазия Британии быстро набирала силу. Эта сила волевым образом обращалась против символа респектабельности и стабильности – викторианского века с его частными школами, профессиональной системой управления и устоявшимися политическими партиями, определившими правила игры в Вестминстере (где британский парламент служил моделью для мировой политической науки). Старая викторианская Англия уходила вместе со своим последним “классическим” политиком Гладстоном, пребывавшим на политической сцене более шестидесяти лет. Тех самых лет британского всемогущества, которым уже не было возврата. Королева Виктория нашла Гладстону весьма характерного преемника, символизирующего новую эпоху – лорда Арчибальда Розбери, о котором хорошо его знавшая Марго Асквит сказала: “Я думаю, что лорд Розбери имел бы более крепкую нервную систему, если бы не был так богат”. Сам Розбери однажды признался, что в жизни у него были три великих желания: жениться на богатой наследнице, выиграть скачки в Дерби и стать премьер-министром. Он женился не просто на богатой наследнице, а на наследнице Ротшильдов. Его лошадь не просто взяла первый приз Дерби, а сделала это три раза. Что касается премьерства, то он достиг его не приложив никаких стараний: он понравился королеве Виктории и ее никто не сумел переубедить.

Розбери был на свой лад философом: “Существует лишь две высшие радости в жизни, – сказал он, – Одна идеальная, другая реальная. Идеальную радость человек испытывает когда получает от своего суверена высшую правительственную должность. Реальная радость охватывает его тогда, когда он отказывается от этой должности”. Приход Розбери к власти многое означал для оставшейся вдовой леди Дженни Черчилль и ее сыновей. Леди знала Арчибальда Розбери много лет и у них были совпадающие взгляды на политику и литературу. Оба скептически воспринимали традиции и с легкостью воспринимали новое. Скажем, Дженни Черчилль была первой в Лондоне, устроившей у себя дома электрическое освещение. Но знакомство с премьером было не самым большим общественным активом вдовы лорда Рендольфа. Таковым можно считать близкое знакомство с наследником престола Эдуардом – принцем Уэльским, которому в 1895 году было пятьдесят четыре года и которого знать Европы называла “профессиональным любовником”. Принц Эдуард не отличался глубоким интеллектом, но он умел ценить ум других и в число этих других входила американка Дженни Черчилль. Если принц собирался созвать званый вечер, то список гостей часто составляла Дженни, знавшая его друзей, пристрастия, вкусы – музыкальные, гастрономические и прочие.

Именно в эти годы Дженни Черчилль становится наставником, поверителем тайн и доверенным лицом своего сына. Позднее Черчилль писал об этой дружбе: «Моя мать всегда протягивала мне руку помощи и совета... Она вскоре стала моим ревностным союзником, обсуждая мои планы и защищая мои интересы со всем ее влиянием и безграничной энергией... Мы работали вместе скорее как брат и сестра, чем как мать и сын. По меньшей мере, так казалось мне. И так продолжалось до конца». Вплоть до своей смерти Черчилль хранил на письменном столе бронзовый слепок руки матери. Нет сомнения, что леди Черчилль стала определяющим фактором развития и становления своего сына. Она не только наставляла его со всем свойственным ей умом, мужеством и энергией, но постоянно формировала его характер посредством дискуссий, переписки, обмена мнениями, дружеской ориентацией. Думая о будущем сына, она знакомила его с наиболее влиятельными фигурами эпохи, возбуждая в нем амбиции, столь свойственные его отцу, но им не осуществленные.

Отца Уинстон воспринимал как одного из наиболее выдающихся политиков своего времени. Он знал наизусть его лучшие речи и в конце концов написал его двухтомную биографию. Как раз об этих годах Уинстон Черчилль впоследствии напишет: «Одинокое дерево, если оно растет, то растет сильными, и сын, лишенный отцовской заботы, часто вырабатывает, если избежит опасностей юности, независимость и силу мысли, которые в последующем могут восполнить потери ранних дней».

Вторым по значению учителем Черчилля был американский политик Бурк Кокрен – единственный человек, о котором Уинстон сказал: «Я хотел бы походить на него... Это был американский государственный деятель, который воодушевил меня... Он научил меня использовать каждую ноту человеческого голоса». Дженни Черчилль стала вдовой лишь на месяц раньше вдовства Кокрена, которому исполнился 41 год. Дженни воодушевило жизненное кредо Кокрена: «Жить напряженно и умереть неожиданно». Маркиз Рипон вспоминал: «Когда я был молодым человеком, мы считали величайшим мастером беседы Карлейля. Потом мы подобным же образом оценивали Гладстона. Я слышал Карлейля и Гладстона много раз, но я определенно уверен, что по уму, мудрости, изяществу речи ни один из них не приблизился к американскому бизнесмену Бурку Кокрену.»

Сколь ни молод был Черчилль, но он мог уже сравнивать, слушая красноречие Гладстона, Солсбери, Розбери, Джозефа Чемберлена, Бальфура, не говоря уже о самом большом для него авторитете – отце, и он был восхищен американским оратором. Правило Кокрена было простым: «Что люди в действительности хотят услышать, так это правду – это потрясающая штука – говорит простую правду». Кокрен учил избегать манерности, эгоцентризма, инвективы. И Кокрен и Черчилль восхищались английским оратором начала XIX века Эдмундом Берком. По отзыву Кокрена, «Берк взнуздан английский язык как человек способен взнуздывать лошадь. Он был простым, прямым, красноречивым и все же есть величие в его фазах, и даже холодный печатный текст передает силу, так воздействующую на слушателей».

Черчилль вспоминал: «Я был тогда молодым субалтерном кавалерии, и он обрушил на меня всю силу ума и красноречия. Некоторые из его предложений глубоко запали в мое сознание. «Земля, говорил он, – это щедрая мать. Она обеспечивает изобилие пищи всем своим детям, если только они обрабатывают ее почву в мире и справедливости». Я часто повторял эти слова с британских трибун». Кокрен объяснил Черчиллю свой метод: изучить предмет в деталях, «заполнять» память постоянным чтением, идти от сложного к простому, находя понятные всем аналогии и иллюстрации, искать и ждать момент вдохновения, когда мысли отольются в чеканные фразы. Впервые в жизни Черчилль стал создавать свой собственный метод красноречия.

Уинстона Черчилля волновала ситуация на Кубе. Он хотел видеть, как Испания теряет свою последнюю опору в Западном полушарии, и он решил увидеть это собственными глазами. Главнокомандующий британской армии лорд Уолсли попросил лейтенанта Черчилля собрать

информацию военного характера и особенно данные о новых патронах – степень их ударной силы и проникновения. С этой миссией Черчилль впервые пересек океан. Черчилль проследовал на Кубу через Соединенные Штаты. Вест-Пойнт, главная военная академия Америки, поразил его жестким режимом. В Сандхерсте личность будущего офицера уважали больше. В целом Соединенные Штаты произвели на двадцатилетнего Черчилля впечатление “очень большой страны”, лишенной привлекательности и романтики, где утилитарность правила бал жизни. Особенно его покорило полное пренебрежение американцев к традициям – для англичанина это было едва ли не святотатством. Негативное впечатление на него производила американская пресса, журнализм “основанный на вульгарности и отстоящий от истины”. Брату он объясняет, что вульгарность не всегда плоха. “Вульгарность может быть признаком силы. Великий, грубый, сильный молодой народ эти американцы – как крикливые здоровые дети... Ужас от дурных манер, людей, не обращающих внимание на традиции, и в то же время добродушная свежесть восприятия, которой нации мира могут только позавидовать”.

Поездка на Кубу восхитила Черчилля как приключение, как незаменимое жизненное впечатление, которые он всегда так ценил. Его мозг был устроен так, что полученное сегодня так или иначе оказывалось неизбежно полезным завтра. Ему нравилось также убедиться в личной отваге: “Мы продвинулись вперед по местности под интенсивным обстрелом”. В день своего двадцатиодноголетия “я впервые в жизни услышал как они свистят в воздухе”. Он навсегда сохранил пулю, убившую испанского солдата, стоявшего рядом с ним. Черчилль посылал письма через испанских высших генералов – герцога Тетуана и маршала Камноса. Указанные испанцы, несмотря на разницу в возрасте, позволяли ему называть себя по имени. С полной серьезностью Черчилль пишет: “Я становлюсь абсурдно старым”. Историк Г. Мартин не без основания замечает, что он всегда им был.

Поездка на Кубу была описана живым и запоминающимся языком в “Сатердей ревью”, а Дженни Черчилль разослала копии журнала своим многочисленным влиятельным друзьям. Важным был быстрый ответ Джозефа Чемберлена: “Это лучшее краткое описание проблем, вставших перед испанцами, и я полностью согласен со сделанными заключениями”. Б.Кокрен пролил бальзам на амбиции молодого Черчилля: “С вашим замечательным талантом ясного и привлекательного изложения вы максимально эффективно используете знания, почерпнутые из изучения социологии и политической экономики. Я твердо верю в то, что вы займете главенствующую позицию в общественной жизни при первой же возникшей возможности. Я всегда верил, что подлинные способности либо находят, либо создают благоприятные возможности.”

Черчилль возвращался в Англию уже известным автором. Но пока возможности создавали не его способности, а скорее Дженни Черчилль. Политическая элита Лондона была довольно ограниченным кругом, и мать ввела сына в этот круг, значение чего для будущего Черчилля трудно переоценить. Начиная с 1896 года Черчилль знакомится со всеми ведущими политическими фигурами периода, со всеми звездами писательского мира.

Именно в это время владелец самого большого состояния в Америке (200 млн. дол.) У. Астор попросил руки Дженни Черчилль, и та, по-своему восхищаясь магнатом (сделавшим не только грандиозное состояние, но написавшим две интересные книги, глубоко осведомленным в истории и языках), стояла перед соблазнительной возможностью стать богатейшей женщиной в мире. Но Дженни, во-первых, не любила Астора, во-вторых, она поставила перед собой иную задачу – подготовить политическое будущее Уинстона. Ей важнее было посадить сына за один стол с принцем Уэльским, что она и сделала в конце 1896 года. “Я понял, что должен показать лучшие черты воспитания: пунктуальность, смирение, сдержанность, короче – продемонстрировать все те качества, которыми я был наделен менее всего”, – писал Черчилль. Разумеется, Черчилль опоздал на сорок две минуты и будущий король спросил, учили ли его пунктуальности в армии. Нужно было обладать самоуважением Уинстона Черчилля, чтобы не смутиться.

В августе 1896 года Черчилль признался своей матери, что желает быть членом парламента, но не решается уйти из армии. Полк посылали в Индию. Черчилля, как и многих в его поколении, волновал и манил Восток Редьярда Киплинга. Годы в Индии, для многих английских офицеров запомнившиеся лишь ленью и жарой, стали годами выбора пути для Уинстона Черчилля.

В Индии Черчилль снял огромных размеров бунгало “окропленное розовым и белым, с тяжело устланной крышей и большими верандами, держащимися на белых алебастровых колоннах, увитых пурпурными бугенвилиями”. Местность вокруг была “плоской как тарелка и жаркой как очаг”, но вокруг бунгало росли двести с лишним деревьев. В конюшне стояли тридцать лошадей, “нас обслуживали трое слуг... Освобожденные от рутинных забот, мы обратились к подлинно серьезным занятиям” – это означало к игре в конное поло, собиранию коллекции бабочек и ежедневному составлению букета цветов. В письмах полученных от матери мы находим: “Я надеюсь, ты найдешь время для чтения. Подумай, ты пожалеешь о потерянном времени, когда погрузишься в мир политики и ощутишь недостаток знаний”.

Вообще говоря, Уинстон Черчилль сам стал приближаться к этой идее. В письме брату он пишет о достоинствах университетского образования, о рождающийся в нем страсти “иметь хотя бы приблизительное представление о многих сферах мысли”. Здесь сказало то обстоятельство, что Дженни жила в мировой столице печатного слова. В дело воспитания политика вступили Платон, Аристотель, Дарвин, Мальтус, Паскаль и Адам Смит. В Индии у него, в отличие от Кубы, не было рекомендательных писем к высшим офицерам и чиновникам. Индийские принцы, с которыми он играл в поло, его не интересовали, а британскую колонию в Бангалоре он считал способной лишь на мелкие дразги. Оставалась программа самообразования.

Неоспоримо, что серьезно историей и мировой политикой Уинстон Черчилль заинтересовался довольно поздно. Уставная практика, ориентация на военных картах, определение основного направления конной атаки – вот чему обучался он в военной школе Сандхерста. До двадцати с лишним лет у него не было особого интереса к дипломатической ориентации Англии и нуждам ее политики. Лишь очутившись в Индии гусаром колониальных войск, у него проснулся интерес к гуманитарному знанию. Нужно было чем-то заполнить томительную послеобеденную сиесту – неотъемлемую часть ежедневного распорядка гарнизонного офицера. Зимой 1896 года в далеком Лондоне мать получила от сына, лейтенанта второго класса кавалерии, довольно неожиданную просьбу: купить восьмитомник Гиббона и сочинения Маколея. Знаменитый трактат Гиббона “Причины упадка и падения Римской империи” произвел на молодого Черчилля неизгладимое впечатление. Эта классика исторической литературы очень отличалась от тех текстов, которые заставляли читать преподаватели частной школы и военного училища. Черчилль пишет: “Теперь, во второй половине залитого солнечными лучами индийского дня, когда мы покидаем свои казармы, я поглощен чтением Гиббона. Я безоглядно погрузился в это повествование и наслаждаюсь каждой деталью. Свои собственные мысли я заносу на полях”. Его правилом стало поглощать пятьдесят страниц Маколея и двадцать пять страниц Гиббона каждый день.

Впоследствии Черчилль скажет, что у него был “пустой, голодный ум и достаточно сильные челюсти; все, до чего я дотягивался, я глотал”. Его американская тетка, герцогиня Лили прислала ему в подарок не что-нибудь, а пишущую машинку. “После чтения, – сообщает Уинстон матери, – я размышляю и, наконец, пишу. Я надеюсь, что подобной практикой создам совокупность логически и последовательно связанных точек зрения, которые помогут в образовании логического и последовательного ума... Маколей, Гиббон, Платон и прочие должны оттренировать мускулы и дать умственному мечу способности проявить себя максимально эффективным образом... Я читаю 3 или 4 книги сразу”. 14 января 1897 года неопит исторической науки пишет матери о том, что без остановки прочитал “Республику” Платона, а к середине марта позади остались все тома огромной всеобщей истории Маколея.

Любопытно знакомиться с его суждениями: “Маколей – это сила и ясность. Гиббон выглядит больше государственным деятелем, он более монументален, больше впечатляет. Оба они восхитительны и демонстрируют, сколь прекрасным может быть английский язык, каким разнообразным может быть изложение на нем”. Список книг расширяется: Шопенгауэр, Дарвин, Аристотель, Рошфор, Сен-Симон. В Индию посланы 100 томов ежегодных журнальных обзоров общественной жизни в Англии. Лейтенант пояснил, что хотел бы знать в деталях историю Англии за последние 100 лет.

Формирующаяся система его политических взглядов включает в себя обоснование необходимости всеобщего избирательного права для мужчин и введение системы всеобщего образования. Рабочим следует предоставить восьмичасовой рабочий день, парламентарии должны получать содержание от государства. В государстве следует ввести прогрессивный налог. Во внешней политике – полное отстояние от внутриевропейских склок, все силы надо обратить на укрепление империи. Охрана ее обеспечивается могущественным флотом и небольшой армией. Черчилль приходит к выводу (и сохранит эту уверенность до конца жизни), что демократическое правление пригодно лишь для определенной части Европы и уж никак не для Азии и Африки.

Индия не затянула глаза Черчилля киплинговским очарованием. “Жизнь здесь глупая, скучная и неинтересная, – жаловался он матери, – Комфорт есть, компании нет”. Но критицизм Черчилля уже выходит за провинциальные рамки, он начинает судить исторических героев и деятелей современного мира. Растущую звезду британского политического мира – Бальфура он характеризует как “ленивого самодовольного циника”, а Джорджа Керзона как “испорченное дитя политики – исполненный лукавства – высокомерный благодаря незаслуженному успеху – типичное оксфордское высокомерие”. Дженни читала мнения сына не о героях древности, а о ее личных и близких друзьях, которые-то более всего могли помочь ее впадшему в цинизм сыну. Но Дженни всегда поощряла искренность. Сыну она ответила: “Жизнь не всегда является такой, как хочется, но сделать из нее все возможное – это единственный способ быть счастливым”. И впервые она заговорила о политических амбициях, которые питает в отношении Уинстона. Если не удалось сделать премьером мужа, то следует использовать второй шанс. Чтобы реализовать этот шанс требовался гигантский труд: “У тебя нет настоящей цели в жизни и понимания того, что в возрасте 22 лет жизнь для мужчины означает работу, тяжелую работу, если ты хочешь преуспеть”.

Тем временем, волею вначале малозначительных событий Черчилль получил возможность быть замеченным. На северо-западной границе Индии, там, где британская империя смыкалась с русской и китайской, кочующие местные племена атаковали британские посты и для их усмирения была организована Малакандская военная группа. Черчилль стал связным офицером главнокомандующего. Известность Черчиллю принесли не демонстративное гарцевание под пулями, а статьи, опубликованные в Лондоне.

Корреспондент писал свои репортажи, не зная какой отклик они вызовут в Англии, но он уже решил создать на их основе книгу. “История Малакандского отряда” вышла в Лондоне весной 1898 года. Самым неприятным для Черчилля отзывом прессы был комментарий в “Атенеуме”, который подал книгу как “словно написанную пером Дизраэли, но выправленную сумасшедшим редактором”. Другие комментарии были более благожелательными, большинство сравнивала его с отцом, что было, безусловно, лестно. “Таймс” отметила “силу прямого обращения, сдержанность, чувство юмора”, демонстрируемое молодым автором. “Спектейтор” отметил “проницательную аргументацию”. А профессиональный военный “Журнал всех родов войск” назвал книгу “превосходной работой” и рекомендовал ее для чтения офицерам.

В высшей степени лестным для Черчилля был отзыв наследника престола. “ Не могу удержаться, чтобы не написать несколько строк поздравления по поводу успеха вашей книги! Я прочитал ее с величайшим возможным интересом и считаю описания и язык превосходными.

Все читают эту книгу и я слышу сплошные похвалы... У вас впереди еще много времени, и вам нужно после службы в армии добавить к своему имени титул “член парламента”.

Перед Черчиллем сал вопрос, следует ли продолжать военную службу. Армия, в которой служил Уинстон Черчилль, производила впечатление в основном своей блистательной униформой. На континенте – в Европе создавались вооруженные формирования нового типа, готовые к колоссальным по интенсивности и масштабности сражениям. Англичане же благодумствовали в сени славы Ватерлоо. Когда Бисмарк спросили, что он будет делать, если британская армия высадится в Пруссии, мэтр европейской политики ответил : “Я пошлю полицейского и он ее арестует”. В то время как в европейских армиях уже давно существовали деления на корпус, дивизии и бригады, в Англии армия по старинке строилась вокруг элитарных полков – гусар и драгун, завоевавших свою славу много лет назад. В армии Британской империи насчитывался 31 кавалерийский полк, гордившийся давностью своего происхождения – почти все они были основаны в 16-17 веках. Их командиры предпочитали не заглядывать в скучные книги немецких военных теоретиков. Джентльмен не должен быть слишком серьезен.

Когда Крупп начал ковать современное оружие, англичане заботились лишь о костюмах своих гусар. Лондонская “Таймс”, напрочь отвергая скучную военную схоластику, с восторгом писала а полке гусар : “Их невероятные натянутые на ноги брюки не поддаются никакому описанию”. На континенте в 1896 году изобрели бездымный порох, но англичане категорически настаивали на применении прежнего пороха – стойкие приверженцы традиций предпочитали не придавать особого значения изобретениям. Они продолжали пользоваться пушками, которые заряжались с носовой части. В континентальной Европе такие орудия стояли уже в музеях. Покровитель английских кавалеристов герцог Кембриджский так изложил свое кредо: “Я не против нововведений, но только в том случае, когда нет альтернативы”. Но промышленность все больше оттесняла обскурантов. В ежегоднике за 1897 год говорится о “развитии механической тяги для дорожных повозок. Использование таких повозок, называемых “машинами-моторами” ограничено согласно закону, запрещающему передвигаться со скоростью более шести километров в час”. Выставленный на выставке изобретений, автомобиль вызвал уничижительные замечания газетчиков: “Новое изобретение вызывает всеобщее презрение. Ведь, помимо прочего, закон требует , чтобы по дороге перед механически передвигающейся повозкой шел человек с красным флагом”. И это писали в стране Герберта Уэлса, короля фантастов. Уже в 1898 году принц Уэльский выехал на автомобиле. Сохранилась фотография, на которой принц гордо восседает на заднем сидении. Рядом Дженни Черчилль. После поездки наследник престола изрек: “Машина-мотор станет необходимостью для каждого английского джентльмена”.

* * *

Немалое число современников еще помнило, что сэр Рендольф Черчилль реформировал консервативную партию, подготовив ее к новым временам. Уинстон в 1897 году определил себя как “либерал во всем, кроме самого имени. Если бы либералы не выступали за самоуправление для Ирландии, я вступил бы в парламент как либерал. Ну, а сейчас моим знаменем будет “консервативная демократия”. При этом он выступал за консолидацию империи, придавая ей, если это окажется нужным, форму конфедерации. Откровенный империализм казался ему опасным. Так, война с Россией могла принести Британии больше вреда, чем вековому сопернику.

Воинская слава все меньше привлекала молодого лейтенанта Черчилля. Он пишет, что не может больше упиваться праздным бездельем в Индии. “Здесь можно вести исключительно животное существование”. 8 мая 1897 года на борту судна “Ганг” он покинул Бомбей. По пути он посетил Помпеи, а затем Рим и Париж.

Черчилль вернулся в Англию с твердой верой, что его первые книги позволят ему выйти в отставку и подготовить себе политическое будущее. В Англии Черчилль погружается в светскую жизнь. Половина жизни британской аристократии проходила на уик-эндах в загородных поместьях. Уик-энды обычно захватывали четыре дня и четыре ночи и были непреложным обычаем. Именно здесь, на английских уик-эндах сильные мира сего решали проблемы своего почти кастового общества.

Возможно на одном из этих уик-эндов у блестящего журналиста из “Дейли мейл” родилась идея дать портрет “самого молодого мужчины в Европе”: “По годам он еще мальчик, по темпераменту он того же возраста; но по намерениям, по заранее сверстанным планам, по цели, адаптации к средствам их достижения он уже мужчина... Тому что он есть, он обязан происхождению. От отца он унаследовал ловкость в делах, впечатляющий стиль подхода к проблемам. С материнской стороны он добавил пронизательность, видение главного, частичный цинизм, личные амбиции, природную предрасположенность к саморекламе и, к счастью, чувство юмора.... качества, которые могут сделать его, если он пожелает, великим популярным вождем, знаменитым журналистом, основателем огромного агентства рекламы... Он амбициозен, но рассудителен; и все же он не холоден. У него странное, глубокое чувство самоулюбленной рассудительности... он не готовит себя к карьере демагога. Он рожден демагогом и знает это. Двадцатый век может стать его достоянием. Кем он станет, кто может сказать?”

Еще более важным для Уинстона было суждение принца Уэльского: “Прийдите ко мне; расскажите о последней кампании и о ваших планах на будущее. У меня такое чувство, что парламентская и литературная жизнь подходят вам больше монотонности военной службы”.

Черчилль послушался совета – уволился из армии. “Я могу жить более скромно и зарабатывать больше как писатель”. Первые гражданские месяцы он помогал матери издавать журнал “Англосаксонское обозрение”. Но мы видим, что иные интересы начинают овладевать его сознанием. Во время очередного карнавала (о котором известно, что молодой Черчилль был с деревянным мечом) второй лейтенант конных гусар договорился с деятелем из консервативной партии о возможности своего выдвижения в парламент. Этот деятель – Дж. Стюард пишет в организацию консервативной партии округа Бат: “Что вы думаете о том, чтобы позволить сыну Рэндольфа Черчилля – мистеру Уинстону Черчиллю выступить на вашем собрании 26 числа? Это умный молодой человек и его присутствие несомненно могло бы вызвать интерес”.

Черчилль произнес свою первую политическую речь в парке небольшого городка Бат в середине лета 1897 года. Об этой речи известно, что она прерывалась аплодисментами 41 раз. Черчилль ощутил вкус общественного признания.

Его трудно было назвать прирожденным оратором. Даже в произношении у него был значительный гандикап – он не мог произносить звука “с”, что самым неблагозвучным образом складывалось на его речи. Еще более существенным недостатком был страх перед публикой. Дар импровизации изначально ему не был отпущен, стоя перед аудиторией он терялся, мыслительный процесс тормозился явственным образом. “У меня не было практики, которую приобретают молодые люди в университетах, ведя импровизированные дебаты обо всем”, – оправдывался Черчилль. В течение многих лет он абсолютно не мог сказать на публике ничего такого, что не было бы написано заранее и выучено наизусть. Как пошутит впоследствии его друг – лорд Биркенхед, “Черчилль отдал лучшие годы своей жизни подготовке речей, произносимых экспромтом”. К счастью для Черчилля, память его была исключительной и он мог “запоморизовать” довольно большие тексты.

Черчилль очень зависел от настроения аудитории. Не он один. Гладстон однажды сказал: “Хотел бы я, чтобы вы знали до состояния какой беспомощности дохожу я, если не встречаю отклика на звуки своего голоса”. О Ллойд Джордже сказано: “Его подлинной ошибкой было желание понравиться слушателям – его слабостью была излишняя реакция на окружающую атмосферу”. Питая аналогичную слабость, Черчилль еще в 1897 году написал статью

о риторике и влиянии на аудиторию речевых эффектов. (Мир познакомился с этим текстом лишь после его смерти.) Автор рассуждает о дикции, ритмической прозе, способах аргументации, методике проведения аналогий. Выше прочего он ставил “тенденцию к исключительной экстравагантности текста”. Черчилль отдавал предпочтение коротким словам – “их значение более близко национальному характеру, они вызывают большую ответную реакцию, чем слова, позаимствованные из латинского и греческого языков.” Но главное для успеха речи – внутренняя взволнованность оратора. “Для того, чтобы воодушевить других, оратор сам должен быть захвачен волной эмоции... Прежде, чем вызвать слезы у других, он должен верить сам. Если политик овладеет этим искусством, в его руках мощное оружие, будь он даже оставлен своей партией, предан друзьями, лишен должностей.”

Все будет в карьере Черчилля. Он будет оставлен друзьями, покинут партией, лишен должностей. Но его красноречие не изменит ему никогда, соединение ума и выразительности действительно представит собой большую автономную силу.

Первая речь Черчилля была своеобразной хвалой консервативной партии. Либералы “всегда либеральны с деньгами из чужих карманов”. Радикалы ради вентиляции разбивают все окна в доме, чтобы погибнуть от простуды. И только консерваторы в социальных вопросах предпочитают “не прыгать вниз, если существует лестница.” В конечном счете “рабочий станет владельцем акций своего предприятия, хотя произойдет это в весьма отдаленном будущем”. Заслугой консерваторов Черчилль называл сохранение мощи страны в мире.

“Нет недостатка в людях, которые говорят, что наша империя достигла пика своей славы и могущества, а отныне мы начинаем двигаться к упадку, как это происходило с Вавилоном, Карфагеном и Римом. Докажите ложность их суждений своей жизненной силой, энергией нашей расы, еще нерастраченной и могущественной, покажите решимость сохранить нашу империю такой, какой мы ее унаследовали от наших отцов”.

К Черчиллю применимо в данном случае выражение Гегеля – “ирония истории” – именно на протяжении его жизни произойдет то, чему он сопротивлялся с невероятной энергией – закат Британской империи. Но это будет потом, а пока – в те дни, когда гусары делили время между спортом и развлечениями, окунувшийся в политику лейтенант совершенствовал свое главное жизненное оружие – речь, и устную и письменную. Описание колониальной жизни в Индии и политической борьбы в долине Нила оказало большое впечатление на принца Уэльского – тот пожелал встретиться с начинающим писателем. Суждение наследника престола содержало верный прогноз: “Я не могу избавиться от чувства, что парламентская и литературная жизнь соответствует наклонностям Черчилля более всего”. Мнение это было тем лестным, что вскоре принц стал королем.

Последние годы прошлого века были временами становления Черчилля как личности. Никто не мог усомниться в его личном мужестве, которое он проявил на Кубе, на северо-восточной границе Индии во время боев в Южной Африке. Речь идет не только о бесстрашии перед пулями. Будучи младшим офицером в Судане в 1898 году он обрушился в прессе на всемогущего героя дня, завоевателя Судана генерала Китченера за “безжалостное убийство раненых” и за разрушение местных святынь.

Читатели “Морнинг пост” получили живой отчет свидетеля и участника. Кампания на Ниле которая стоила Китченеру 500 убитых, в то время как дервиши потеряли 10 тысяч убитыми. Репортажи Черчилля легли в основу новой книги “Война на реке” (ни более, ни менее – 950 страниц текста). Друзья писали, что это “без сомнения, лучшая книга на подобную тему”. Либеральная “Манчестер гардиан” отметила “рыцарственное отношение автора к противнику”. Но “Таймс” отметила прежде всего, “беспардонное самоутверждение”.

* * *

Поэт и критик Вилфрид Блант относительно грядущего столетия сказал только одно – “оно увидит упадок Британской империи. Другие, возможно худшие империи займут ее место”. Для ослабления нежелательных процессов требовалась решимость, национальная воля. Редьярд Киплинг в знаменитой поэме, потрясшей англичан, призвал сохранить главную предпосылку этой воли – историческую память страны:

“Пусть всемогущий Бог с страной всегда пребудет,
Пока мы помним все – пока мы не забудем.”

Это благородное чувство пиетета по отношению к судьбе было характерно не для всех. Витали и более низменные чувства. Джингоизм подтачивал дух нации. Издатель “Дейли мейл” писал, что его читатели жаждут “крупной порции ненависти”. Объектом этой ненависти в самом конце века неожиданно стали потомки голландских переселенцев в Южной Африке – буры. У буров в октябре 1899 года было лишь 50 тысяч вооруженного ополчения – вдвое меньше, чем британских солдат, присланных для закрепления контроля над Южной Африкой, но они были готовы к партизанской борьбе.

Немедленно после объявления войны с бурами Уинстон Черчилль направился в Южную Африку в качестве военного корреспондента газеты “Морнинг пост”. То была, возможно, последняя “война джентльменов”, когда отправляющимся на фронт офицерам разрешали брать с собой собственную еду, выпивку, своих лошадей, неограниченный объем одежды, любимое стрелковое оружие, старых слуг и возничих. Известная лондонская фирма “Фортном и Мейсон” готовили специальные джентльменские наборы.

Корреспондент “Манчестер гардиан” описал коллегу, которого успел изучить за период долгого плавания на юг африканского континента: “Стройный, слегка рыжеватые волосы, бледный, живой, часто бродит по палубе задрав нос – именно так Браунинг изобразил Наполеона; иногда погружается в размышления, складывает руки на груди и снова их убирает – не нервно, а словно помогая себе развязать очередной умственный узел”.

Прибыв на фронт, Черчилль сразу же попал в переделку – бронепоезд англичан нарвался на засаду буров и военный журналист попал в плен. Сидение в лагере военнопленных было невыносимым. Согласно немедленно рожденному плану побега следовало отвлечь часовых и перемахнуть через стену школы. Выполняя этот план Черчилль в течение часа ждал за внешней стороной соратников. Напрасно. Оставалось идти вперед одному. У него был шоколад и 75 фунтов, но он не знал языка, у него не было ни карты, ни компаса. В наступившей темноте Черчилль прыгнул в медленно идущий товарняк, двигавшийся предположительно на восток – к португальскому Мозамбику. На рассвете выскочил из вагона и спрятался, ожидая нового поезда. Правительство буров пообещало 25 фунтов за его поимку и сотни людей читали его описание: “25 лет, пять футов и восемь дюймов росту, среднего телосложения, слегка хромот, волосы рыжекоричневые, почти невидимые маленькие усы, говорит в нос, не может произнести звук “с”, не говорит по-голландски, в последний раз был в коричневом костюме”.

Сочувствующий англичанин помог ему, он проследовал поездом до португальского порта Лоренцу – Маркеш, где первым делом объявился в британском консульстве. В Дурбане публика вынесла Черчилля на руках. Присутствующие потребовали произнести речь и ничто не могло порадовать Черчилля больше. В день прибытия в Дурбан Уинстон Черчилль написал о неприятеле: “Отдельно взятый бур, на коне и в знакомой ему местности, стоит трех-пяти регулярных солдат. Единственный способ справиться с ними – или найти людей равного характера и ума, или собрать огромную массу войск... Здесь много работы для четверти миллиона человек

... Заняты ли все джентльмены Англии ловлей лисиц? Почему здесь нет британской легкой кавалерии?»

Неся поражения от волонтеров-буров, любая профессиональная армия впала бы в отчаяние. Но не британская. Королева Виктория задала тон британской решимости, когда сказала А.Бальфуру: "У нас никто не находится в состоянии депрессии; нас не интересуют возможности поражения; их для нас не существует". Почти вся британская армия (исключая индийский контингент) была отправлена на южную оконечность африканского континента. На юг плыла и мать Уинстона Черчилля, организовавшая судно-госпиталь. Она просила Уинни и Джека (его брата) встретить ее: "Ведь нас всего трое в этом мире".

Для Черчилля бурская война всегда звучала славным воспоминанием. Британские газеты помогали сделать из него героя – время побед буров требовало эмоциональной компенсации. Но и Черчилль оказался достойным столь рано добытой славы. Он сознательно сделал себя вечным тружеником и это стало главным секретом его успехов. Умственная работа стала доминантой. Книжные полки были даже в ванной комнате. Один из его друзей заметил, что он "даже спит с энциклопедиями". Вырезки из газет хранились в огромных записных книжках. Путешествуя (а Черчилль немало ездил за границу и вынуждал себя принимать много приглашений от людей своего круга внутри Англии), он возил с собой металлический ящик, примерно метр высотой, в котором хранились черновики и письменные принадлежности. По прибытии на новое место он прежде всего просил о письменном столе. Свидетель описывает как Черчилль снял отдельное купе в поезде и всю дорогу сидел в нем с ручкой, словно в кабинете.

В единственном художественном произведении Черчилля (по существу его первой и единственной художественной книге) – "Саврола" – дан портрет героя, в котором нетрудно угадать автора. Мы видим кабинет, заполненный книгами Гиббона, Маколей, Платона, Сен-Симона. "Философия Шопенгауэра отделяла Канта от Гегеля, а Гиббон, Маколей, Дарвин и Библия сражались с ними за место на полках... Саврола, вооруженный печальной, циничной, эволюционной философией старался смотреть на мир из отдаления... В чем может быть смысл? Вселенная в конечном счете умрет и пепел растворится в холодной темноте отрицания... Несколько писем и телеграмм лежали нераспечатанными на столе, но Саврола был утомлен; в конце концов они могут подождать до утра. Он опустил в кресло. Да, это был долгий день, и день унылый. Он был молод – всего тридцать два года, но уже ощущал на себе печать трудов и забот. Его нервический темперамент не мог не быть возбужденным при виде сцен, прошедших перед его глазами за день, и подавление этих эмоций лишь распалало его внутренний огонь. Стоит ли это того? Борьба, работа, неостановимый бег дел, жертва столь многим, что делает жизнь легкой, приятной – ради чего? Ради народного блага! Едва ли на это, он признавался себе, были направлены его усилия. Амбиция – вот главная сила, и он не мог устоять перед ней".

Как пишет английский психолог А. Стор, "амбиция является абсолютно "нормальной" чертой любого молодого человека, возвращенного в поощряющем конкуренцию климате западной цивилизации. Но амбиции Черчилля были, конечно, выше всякой нормы; и они сделали его непопулярным, когда он был молод". Чарльз Дилк однажды написал, что Розбери был самым амбициозным человеком из всех, кого он когда-либо видел, "до тех пор, пока я не встретил Уинстона Черчилля".

В Савроле воплощены все качества, которыми Уинстон Черчилль восхищался: мужество, ум, широкая начитанность, ораторское искусство, внешность философа, рациональное восприятие мира "человеком, которому известны земные удовольствия". Саврола намерен, опираясь на массовую народную поддержку, свергнуть диктатора. Книгу почти губит ее лирическая сторона, в которой автор явно не силен, и в определенной степени спасает картина военно-политической схватки, явно волнующая автора. Эта книга интересна главным образом тем, что по ней мы можем восстановить внутренний портрет молодого Черчилля. Например, об

искусстве красноречия: “Ораторские триумфы экспромтом существуют лишь в воображении слушателей: цветы риторики – тепличные домашние растения”.

Черчилль получил за книгу свои сто фунтов (отдельное издание 1900 года), но, видимо, сам пришел к выводу, что художественная проза – не его стезя и никогда не повторял эксперимента. Он желал писать на уровне Стивенсона, меньшее его не устраивало.

* * *

Уинстон Черчилль никогда не учился в смешанной школе, и его знакомство с девушками было ограниченным. Возможно, он был осторожен, зная трагическую судьбу своего отца. Первая девушка за которой он начал ухаживания – Памела Плауден, дочь британского резидента в Хайдарабаде, вышла замуж за Эрла Литтона, и Черчиллю пришлось смириться с их свадьбой.

Неудачи на одном фронте будили его энергию на другом. В 1900 году он опубликовал две книги, основанные на южноафриканском опыте – “От Лондона до Ледисмита” и “Марш Иена Гамильтона”.

Первая книга разошлась тиражом в пятнадцать тысяч экземпляров в течение четырех месяцев. Автора признали лучшим среди военных корреспондентов, хвалили за “понимание течения войны” и счастливую способность донести свои впечатления до самого простого читателя, за неизменную занимательность, смелость в суждениях. Успех следовало развивать – и следует лекционное турне по Британии, США и Канаде. Марк Твен представил Уинстона Черчилля американской публике (1901): “Я думаю, что Англия совершила грех, вступив в войну в Южной Африке, равно как и мы, начав подобную войну на Филиппинах. Мистер Черчилль по отцу англичанин; по матери он американец, такое сочетание несомненно должно произвести превосходного человека. Англия и Америка, мы – родственники. А теперь, когда мы стали еще и родственниками по греху, большего уже нечего ожидать. Гармония превосходна – как и сам мистер Черчилль, которого я имею честь представить”. По окончании лекционного турне опека над ним окончилась, он стал независимым человеком: “Я заработал деньги, – писал он матери, – потому что ты вложила в меня необходимые ум и энергию”.

На выборах в сентябре 1900 года даже рупор либералов “Манчестер гардиан” подала Черчилля как “мужественного, увлекающего аудиторию и замечательно способного молодого человека”.

Когда Черчилль был избран осенью 1900 года в палату общин от консервативной партии, его отца, лорда Рендольфа Черчилля, помнили еще многие. Пожалуй, самая яркая унаследованная от отца черта – своего рода бесшабашность, почти авантюризм, страсть к высшему напряжению, энергичная игра с фортуной. Оба, и отец и сын обладали предприимчивостью и мужеством. У них было не так уж много другого капитала и обоим как “солдатам фортуны” приходилось идти в этой жизни на риск. Уинстон Черчилль имел все основания присоединиться к словам еще одного авантюрно настроенного деятеля английской истории – Дизраэли: “Как тогда, когда я был молод и боролся против всех враждебных обстоятельств, так и сейчас, когда я преуспел, они приклеили мне ярлык авантюриста”. И не без основания.

Личный врач Черчиллей доктор Руз так описал карьеру депутата: “Многие входят в парламентскую жизнь влекомые идеей исполнить важную миссию; но проходит сессия за сессией и они никак не приближаются к своей цели. Между тем нужно слушать, вечер за вечером, непрерывный поток речей, большая часть которой не влечет за собой никакого практического результата... Существуют и другие причины для разочарования и отвращения. Среди депутатов разливается беспокойство. Многие спрашивают себя, стоит ли игра свеч, не следует ли покончить со скукой и выйти на более спокойные дороги жизни, не ведут ли эти дороги ближе к счастью, чем непрерывный вихрь возбуждения и беспокойства”.

Черчилль не принадлежал к таким сомневающимся. “Вы знаете, что я безгранично верю в себя”, – писал он своей родственнице. Он никогда не пытался скрыть своих амбиций. “Амбиции так же возбуждают воображение, как и воображение амбиции”. С его точки зрения такая “открытость карт” неизбежно должна показаться окружающим привлекательной. Но, не у всех “открытый стиль” молодого Черчилля вызывал симпатию симпатию. Дж. Чармли напоминает, что “амбиция была (и поныне) осуждаема на британской политической сцене; на неприкрытую амбицию смотрят как на растение, которое подлежит культивации”. Как пишет английский историк Р.Джеймс, “ошибочно полагать, что в Англии на Юность и Амбицию смотрят с одобрением. В действительности же Юность считается достойной сожаления интерлюдией к достижению зрелого терпения и скромности; к Амбиции же относятся терпимо только в том случае, если ее тщательно скрывают. У молодого Черчилля были оба эти качества. Он был резким, эгоцентричным, полностью поглощенным своей политической карьерой”. Сам Черчилль говорил, что “с самого начала его целью было личное отличие”. Более других участвовавший в начальной фазе карьеры Черчилля Г. Асквит пишет: “Он никогда не находится в естественном контакте с тем, с кем говорит в данный момент, потому что он гораздо более интересуется собой и своими заботами, чем чем бы то ни было, что может дать ему собеседник”.

В общем и целом отсутствие оксфордского образования (полагала Виолет Асквит) явилось благоприятным для Черчилля обстоятельством. “Для Уинстона Черчилля все под солнцем было новым – словно в первый день творения. Его обращение к жизни было полно азарта и удивления. Даже вечные истины представлялись ему волнующими личными открытиями”. Он не стеснялся говорить искренне о том, что другим казалось бесспорным трюизмом.

* * *

22 января 1901 года скончалась королева Виктория. Когда она взошла в 1837 году на престол, Англия была преимущественно сельскохозяйственной страной. У нее еще не было развитой индустрии, а границы империи не были четко обозначены. Спустя шестьдесят четыре года Англия являлась крупнейшей индустриальной жершавой мира, а империю населяло 412 млн. подданных. В том далеком мире 1901 года никто не мог сравниться в этой колоссальной империей. Постоянная соперница – огромная Российская империя имела вдвое меньше население, а во второй по величине англосаксонской стране – Соединенных Штатах жило тогда лишь 76 млн. человек. В этом году Уинстон Черчилль еще не знал, что его ждет. Ничего не знал о своем будущем и девятнадцатилетний студент Гарвардского университета Франклин Рузвельт – ничто в его студенческих делах не предвещало быстрого политического подъема. В том году двадцатидвухлетний Сталин был изгнан с единственной неполитической работы, которую он имел в своей жизни, с должности наблюдателя в Тифлисской обсерватории.

Мир, в котором Уинстону Черчиллю предстояло занять свое место, быстро менялся. Газеты едва ли не ежедневно сообщали о технических новинках и прорывах в науке. Рентген открыл свои лучи, Мария Кюри обнаружила эффект радиации, Эйнштейн определил формулу $E=MC^2$. Медицина начала сообщать о генах, гормонах и витаминах. Из России сообщали об опытах Павлова с условными рефлексамии. Популярными становились идеи Фрейда о подсознательном. В 1903 году, благодаря изобретению Маркони, английский король разговаривал с президентом Теодором Рузвельтом по (как его тогда называли) беспроволочному телеграфу. В этом же году братья Райт взлетели в воздух на аппарате тяжелее воздуха. В России завершили работы на великой транссибирской магистрали. В 1905 году компания “Остин” начала серийное производство автомобилей. В 1904 году “Северогерманский Ллойд” при помощи своего парохода “Кайзер Карл-Вильгельм II” установила мировой рекорд скорости пересечения Атлантики – 5 дней 11 часов. Англичане не могли выдержать унижения, и вскоре лайнер “Мавритания” компании “Кунард” преодолел Атлантику почти на сутки быстрее.

Происходила своего рода революция и в военном деле. Англичане создавали не только крупнейшие в мире пассажирские суда. Со стапелей сошел корабль класса “Дредноут” – крупнейшее военное судно своего времени. Дредноутами стали называть сверхлинкоры, а строили их прежде всего две державы – Англия и Германия.

Многих англичан весь этот поток изобретений и перемен лишал душевного комфорта. Мир менялся слишком быстро.

С завоеванием в 1903 году Северной Нигерии политическая карта мира уже не имела белых пятен – отныне перед Британией не стояла задача бесконечного расширения, возник новый императив – удержать имеющееся. Эта ситуация принесла иной психологический климат, она определенно ограничивала традиционные качества англичан – инициативу и воображение. Та энергия, с которой Британия расширяла свои просторы в течении 100 лет, как бы повернулась вовнутрь. Самый длительный период мира позволил произвести внутренние усовершенствования. Начинается социальный взрыв, называемый демократизацией общества. Огромное влияние приобретают средства массовой информации, прежде всего газеты. Оформляются массовые политические движения. Англия встала перед двумя крупными вызовами: на континенте Германия грозила оттеснить ее с положения международного арбитра, а внутри страны огромные массы английского населения стали требовать свои права, что вскоре дало силу новому фактору – лейбористской партии. Решение обеих проблем оказалось тесно связанным с сохранением принципа свободной торговли, со степенью зависимости Британии от внешнеполитических обязательств.

В момент образования второго рейха Гогенцоллернов британское правительство было расположено благожелательно к Германии, несмотря на все предупреждения французов. Одной из причин этого было то, что в период 1870-1900 годов германский военно-морской флот, как бы выполняя завещание Мольтке, не пытался превзойти британскую морскую мощь. Но в 1900 году Берлин принял закон о военно-морском флоте, что послужило началом перегруппировки дипломатических сил в Европе.

В 1901 году Англия в последний раз отвергла участие в континентальных союзах. Какие заботы беспокоили Англию в начале века видно из речи короля Эдуарда У11 при открытии сессии парламента 14 февраля 1901 года. Засуха в Индии прекратилась. Австралия 6 недель назад стала доминионом. В Пекин, сокрушив боксерское восстание, вошли войска союзных с Англией государств. На юге Африки английские войска, после неожиданно трудной войны, все же подавили сопротивление буров. Насколько уникален был мир начала века, свидетельствует то, что Эдуард У11 счел нужным пообещать своим подданным, что никогда не будет вассалом папы.

Эдвардианская эпоха была “славным периодом” – первый приветливый король после Карла Второго. Короля любили за то, что он, как сказал лорд Гренвилль, “имел все недостатки, в которых обвиняли англичан”. В Европе царили родственные династии. Племянница Эдуарда была русской императрицей, вторая племянница – королевой Испании, его дочь была королевой Норвегии. Германский император приходился ему племянником, а короли Дании и Греции – двоюродными братьями.

Война с бурами несколько поколебала самоуверенность англичан, но империя стояла еще во всем блеске. Фунт стерлингов был главной мировой валютой, британский флот правил океанами. Внутри страны продолжалось формирование среднего класса, но зияли и уязвимые места. Треть англичан в начале века жила практически в трущобах и работала в самых тяжелых условиях. В стране еще сосуществовали две дизраэлевские Англии – богатая и бедная. Всеобщее избирательное право уже готовило почву для лейборизма. Что же касается богатых, то, как оценивает современник, “налоги и стоимость жизни были низкими; деньги тратились широко и богатство было видно повсюду... Едва ли в какой-либо другой период современной истории существовало столь открытое миру средоточение богатства и роскоши, как это было

в правление короля Эдуарда... Обеды давались в стиле Гаргантюа, шампанское, портвейн и выдержанное бренди лились рекой. Женская одежда была исключительно роскошной. Блеск драгоценных камней в опере был изумительным. В больших поместьях работали потрясающе молчаливые слуги. Уже к восьми часам утра трава была свежестрижена, опавшие листья собраны, благоухающие цветы поставлены в вазы. Завтрак был готов, но гостей не будили.”

Англия была богата, она могла себе позволить многое – несколько поколений неутомимых тружеников создали ей уникальное место в мире. Британские инвестиции собирали дивиденды со всего мира. Но колокол истории уже прозвучал. В первые годы века Соединенные Штаты оказались впереди Англии по производству стали, железа и добыче угля, а Германия – по производству стали. Теперь уже Англия догоняла своих соперников в электротехнической и химической индустрии.

Недавно избранный в палату общин Черчилль слушал инаугурационную речь короля в обстановке, которая станет его привычным полем словесной битвы на протяжении следующих 63 лет. Напомним, что архитектурное оформление Вестминстера было завершено в 1708 году. Под деревянным потолком на возвышении стояло (и стоит ныне) резное кресло спикера, который определял, кому из депутатов дать слово. С правой стороны от него в пять рядов располагались скамьи правящей партии. Оппозиция сидела по левую руку спикера. Перед ним размещалась правительственная скамья, которую занимал премьер-министр и его кабинет. Мест в палате общин было недостаточно, что позволяло избранныкам чувствовать близость соседа и облегчало ведение бесед во время заседаний. В определенном смысле теснота помещения придавала всему происходящему чувство экстренности и драматизма.

Кого называли политическими звездами первой величины этого периода? Говорили о Джозефе Чемберлене. Среди молодого поколения консерваторов выделялся Бальфур. Самыми талантливыми среди находившихся в оппозиции либералов выделялись Асквит, Грей и Холдейн (так называемые либеральные империалисты). Лидером либералов был сэр Генри Кемпбелл-Баннерман. Среди наиболее близких к Черчиллю людей было несколько представителей так называемого радикального крыла либералов. В их среде выделялся Дэвид Ллойд Джордж.

17 февраля 1901 года Черчилль выступил с первой речью в палате общин. Обращаясь со стороны тори, он смотрел в лицо лидерам оппозиции: Баннерману, Асквиту и Грею. Наиболее яркий среди “своих” Джозеф Чемберлен как всегда задавал тон безупречным костюмом с неременной орхидеей в петлице и моноклем. На галерее находилась Дженни Черчилль и еще четверо родственников. Как писала газета “Йоркшир пост”, “в заполненном зале все хотели знать, что за тип политика они видят перед собой”.

Черчилль за свою политическую жизнь выступил по множеству различных вопросов. При этом общая схема была примерно одинакова. Готовясь к речи, он с удивительной смелостью подходил к незнакомому предмету, о котором личный опыт пока ему не говорил ничего. Он даже как бы гордился на этом этапе своей неосведомленностью. Но этой внешней бравадой подготовка не кончалась. Как важнейшее дело жизни он изучал избранный предмет и благодаря необыкновенному упорству овладевал им. Итогом был написанный прекрасной прозой анализ вопроса. Теперь можно было рассылать меморандум членам кабинета, а самому устремляться к трибуне палаты общин. Первый том своих речей Уинстон Черчилль опубликовал, когда ему еще не было тридцати лет, а к концу жизни на полке стояли восемнадцать томов его публичных выступлений.

Первую свою речь Черчилль готовил шесть недель. “Я выучил ее так, что мне было неважно, откуда начинать текст”. Он игнорировал совет, что острая тема не годится для дебюта, что следует подождать несколько месяцев, узнать ближе палату общин и лишь потом обратиться к вопросам внешней политики. Накануне дебюта Черчилль провел несколько дней перед зеркалом (так же когда-то готовился к парламентским выходам его отец). Новичок выступил со своей оценкой международной обстановки. “Европа стонет под тяжестью вооружений.

Нет ни одного представляющего значимость правительства, чьи финансы не испытывали бы напряжения; нет такого парламента или народа, который не издавал бы криков усталости”.

Оратор видел в общем безумии долю вины Англии. Он довольно остро критиковал политику правительства в деле создания сухопутной армии. “Эта армия не обеспечит нам безопасности, ну а если мы вступим в войну с любой из великих держав, эти три армейских корпуса (создания которых требовали военный министр. – А.У.) едва ли смогут сыграть даже роль авангарда. Если мы обречены на ненависть, эти корпуса не заставят потенциального противника нас любить. Если же мы окажемся в опасности, они не прикроют нас. Но их достаточно, чтобы вызвать раздражение, при этом они никого не смогут запугать. И хотя они не сделают нас неуязвимыми, они увеличат в нас страсть к авантюрам.”

В процессе обсуждения военного бюджета молодой Черчилль заявил, что честь и безопасность Британской империи не зависят и никогда не будут зависеть от наземной армии, и что “единственное оружие, при помощи которого мы можем совладать с другими великими нациями, является наш военно-морской флот”. Один из ветеранов палаты общин саркастически спросил его: “Что же произойдет в будущем, если разразится война на континенте и какими будут в этом случае возможности нашего военного флота?” На это Черчилль ответил, что “такое развитие событий немислимо, я не могу представить себе войну между Британией и континентальными державами”. Это говорил политик, которому дважды в жизни придется создавать многомиллионные армии для европейских сражений.

Выступление Черчилля произвело впечатление на окружающих. Либеральный журналист А.Гардинер писал: “Он принадлежит к той касте, которая не ведаёт сомнений в себе и поэтому презирает всякую маскировку”. Многим казалось, что на таком пути неизбежны роковые ошибки. Суровым было суждение Беатрисы Вебб (1903 год): “Черчилль обречен быть непопулярным, потому, что каждый чувствует в нем беспокойную, сосредоточенную на себе личность, отличающуюся отсутствием моральной или интеллектуальной скрупулезности”. Обвиняя Черчилля в отсутствии идеалов, Б. Вебб соглашалась, что он “зажигателен, имеет мужество, его внутренние ресурсы впечатляют и великая традиция может повести его вперед, если он сам не станет причиной собственного крушения, как его отец”.

В ходе парламентской борьбы складывался стиль молодого политика. То обстоятельство, что Черчилль говорил по заученному тексту, в определенной мере сковывало его фантазию, лишало речь легкости и экспромта. Так в апреле 1904 года он внезапно потерял нить рассуждений и вынужден был сконфуженно сесть на место. Премьер Бальфур заметил, что Уинстон может выдвинуть против оппонентов тяжелую артиллерию своих аргументов, но эта артиллерия “не очень мобильна”. Сам Бальфур не делал заметок, не меморизировал тексты, но всегда внимательно слушал выступающих, зная, что его безупречный мыслительный процесс найдет верный синтез услышанных аргументов. Черчилль попытался говорить при помощи кратких заметок, но эта техника оказалась не очень эффективной – после нескольких неудач Черчилль снова вернулся к заучиванию речей. Привычка меморизировать тексты облабляла способности Черчилля быть словесным борцом в палате общин – он должен был следовать уже замершему на страницах красноречию. Вышедший на национальную арену вместе с ним Ллойд Джордж был более раскованным участником словесных схваток, как и Бонар Лоу, Эдвард Карсон, Герберт Асквит. Черчилль же был привязан к заведомо более помпезной и цветистой прозе. Э. Бивен сказал о нем, что “в бою он должен был долго поворачивать себя как огромное орудие”. Черчилль обожал цитатники, одним из его самых любимых сборников были “Знакомые выражения” Барглетта.

Черчилль в молодые годы не был хорошим членом команды. Действуя словно таран, он двигался по самым разным направлениям без всякого согласования с партийной верхушкой. Он выступил за более экономное ведение государственного хозяйства, предложил новую систему взаимоотношений метрополии с доминионами, и многое другое. Казалось, что отец

(чью биографию в это время писал Уинстон) разбросом своих интересов и грубым эгоцентризмом влиял на сына, что сын усвоил главную заповедь отца: приобрести имя можно только нападая на признанных авторитетов. Самоутверждение и эпатаж очень соответствовали психологическому складу Уинстона Черчилля, его интуитивному желанию быть в центре сцены. В частном письме Ллойд Джордж написал о нем в 1907 году: “Его ноздри раздувались лишь от аплодисментов палаты общин. Он настоящий актер. Он более всего любит быть в центре внимания”.

Английский историк Ч.Мастермен так анализирует мыслительный процесс Черчилля: “Идея приходит в его сознание извне. Затем она обволакивает его мозг, набирая силу как снежный ком. После вихревых порывов риторики, он начинает убеждаться в том, что прав, это дает ему силу отбиваться от каждого, кто его критикует. Он “риторик” в греческом смысле этого слова, раб слов, при помощи которых его мозг формирует свои идеи. Он отдает свои идеи риторике так, как музыкант отдает свои идеи музыке. Он может убедить себя в почти любой истине, если она начинает стремительное продвижение вперед посредством риторической механики”.

Сказанное не означает, что Черчилль брался за любую идею, заботясь лишь о словесном ее оформлении, он не был поверхностным бретером и примитивным демагогом. Но страсть к слову была попросту неотделима от его личности. Сэр Исая Берлин так характеризовал особенности его мировосприятия: “Черчилль живет в своем собственном пестром мире и неясна степень его осведомленности о том, что происходит в душах других людей. Он не реагирует, он действует самостоятельно; он не отражает зеркально, он воздействует на других и изменяет их в соответствии с собственными желаниями”. Другой свидетель – Дж. Гардинер заметил в 1921 году: “Он не желает выслушивать изложения ваших взглядов. Он не желает тревожить прекрасную ясность собственных мыслительных построений ... Он не спорит с вами, он излагает вам свою точку зрения”.

Подобно отцу Уинстон Черчилль верил в “застольную дипломатию”, он с охотой обсуждал проблемы за ресторанным столом. Его старшим другом и союзником стал недавний премьер-либерал лорд Розбери, известный независимостью своих взглядов, – типичный британский политик традиции “вигов” – богатый, щедрый, широкообразованный, блестящий оратор – и в то же время истинный философ, лишенный тяги к разлитому повсюду честолюбию. Розбери смотрел вперед : в двадцатом веке Британии не избежать серьезных реформ. Розбери призвал либеральную партию смело взглянуть в будущее и начать с “чистого листа” – обеспечить эффективность нации посредством широкой программы всеобщего образования, строительства жилищ для народа и т. п.

До встреч с Розбери Черчилль гораздо меньше размышлял над социальными проблемами своего века и своей страны. Розбери вызывал восхищение Черчилля как сторонник “либерального империализма” и “национальной эффективности”. Черчиллю импонировал стиль Розбери и широта его жизненных интересов, его глубокое знакомство с современной литературой, нравами, политикой, цивилизацией в целом, свежесть его подхода к любому предмету. Но Розбери не спешил создавать политическую базу в защиту своих взглядов, в этом они с Черчиллем, кипевшим энтузиазмом, расходились. Новым политикам пришлось реформировать закосневшую двухпартийную систему “тори – либералы”. Удачей Черчилля было то, что он успел вскочить в их вагон. Сказался и фактор близкого знакомства с Ллойдом Джорджем, о котором Черчилль писал: “Естественно, что такой человек в огромной степени повлиял на меня”.

* * *

В 1902 году лорд Солсбери уступил пост премьера своему племяннику Бальфуру, человеку выдающихся талантов, самому искусному парламентскому оратору со времен Гладстона. Никто не сомневался в блестящих способностях обоих государственных деятелей, но что-то

случилось в среде британских политиков – оба они были пессимистами. Суровая реальность заключалась для них в окончании “века Британии”. Золотой век еще продлится до 1914 года, но с каждым годом все слышнее была поступь неотвратимого: Британии суждено покинуть место мирового лидера. “Его (Бальфура) слабость в качестве демократического лидера проявилась в борьбе за свободу торговли в 1903-1904-гг. Его ум, – пишет Ллойд Джордж, – был слишком бесстрастен для рвения, порождаемого верой, которая не знает сомнений. Он не верил, что тарифы погубят нашу торговлю, но не имел также убежденности, что они увеличат наше благосостояние; в глубине души он считал, что сторонники обоих взглядов преувеличивают.” Он обладал испытанным умом высокого качества, его анализ всегда отличался взвешенностью, он был одним из лучших (возможно, лучшим) представителем британской аристократии, которую уже теснили снизу такие талантливые “разночинцы” как Бонар Лоу, Асквит, Ллойд Джордж. Это был очень смелый и умный человек, но ему определенно не хватало энергии, жизненной силы, предприимчивости. В сложных случаях он старался отложить решение.

Ощущая конкурентное давление прежде всего Германии, классическая страна фритрейда должна была решить, что делать с умирающими отраслями промышленности. Решающая битва сторонников и противников таможенного протекционизма произошла в мае 1903 года, когда Дж. Чемберлен выступил с резкой критикой сторонников фритрейда. Он считал предательством интересов страны догматическую политику “либеральной манчестерской школы”, готовой держать рынки империи открытыми перед германскими и американскими товарами. Выступив за тарифную реформу, Чемберлен, по словам Черчилля, “открыл новую главу в британской политике”. Оградить империю потребовал не эксцентричный патриот, а один из самых известных министров короны, ведущая после Бальфура личность в правительстве. Поставленный ребром вопрос потребовал перестройки во взаимоотношениях различных сил как внутри консервативной, так и внутри либеральной партии.

Уинстон Черчилль был убежденным “фритрейдером”, сторонником свободной торговли. Избирателям в Олдхеме он объяснял: “Протекционизм означает, что население нашей страны вместе, посредством уплаты налогов, начнет поддерживать некоторые отрасли торговли... Тогда каждая отрасль торговли в стране запросит защиты. Кулуары палаты общин будут заполнены лоббистами и коррупция охватит весь организм... Протекционизм – это фантастическая политика, разве мыслимо оградить огромную Британскую империю забором?” И дело не только в уязвимости границ империи. Британия со времен индустриальной революции шла в авангарде технического прогресса, и конкуренция всегда порождала в ней стремление к совершенству. Спрятаться в “кокон” тарифов означает потерять веру в изобретательный гений страны. Вызов Чемберлена заставил Черчилля искать противостоящие ему силы. Премьер Бальфур для него слишком медлителен и пассивен. Черчилль задумывает сложную комбинацию – выделить из рядов консервативной партии сторонников фритрейда и перейти вместе с ними в ряды либеральной партии, сохранив торговый либерализм знаменем Британии. Он пугает публику победой Чемберлена, за которой последует “экстравагантный и агрессивный милитаризм, на самом вершине которого расположится лидер партии, наполовину германский канцлер, наполовину американский босс”.

Попытка реализовать свой стратегический замысел привела к тому, что Черчилль начинает обрывать свои связи внутри консервативной партии. Когда Черчилль с трибуны парламента начал говорить о тарифной реформе, сторонники правительства во главе с премьер-министром покинули палату общин. В сложной обстановке Черчилля поддержал блестящий радикальный либерал Дэвид Ллойд Джордж. Благодарный Черчилль полностью воспринял тезис либералов о том, что страна тратит слишком много денег на внешнюю политику и военные приготовления, отчего растет угроза миру и ухудшается благосостояние англичанина.

Все более и более Черчилль встает в оппозицию к правительству. “Представьте себе, – говорит Черчилль, – что разразится европейская война. В этом случае чемпион экономиче-

ского роста – Соединенные Штаты были бы кровно заинтересованы в открытом английском рынке и это обеспечило бы Англии поддержку крепнущих Соединенных Штатов”. 25 мая 1903 года Черчилль послал письмо премьер-министру Бальфуру (его называли “сфинксом” за непроницаемость и осторожность), в котором отказ от принципов свободной торговли, уход британского правительства в “глухую защиту” на мировых рынках провозглашался абсолютно неприемлемым: он вынудит его пересмотреть партийную принадлежность. Характер Черчилля к этому времени уже был знаком палате общин и было ясно, что звучит не пустая угроза. Утверждая себя на политической арене, Черчилль сосредоточил критику на Бальфуре, обвиняя его в “непростительном невежестве”, в “небрежном, рассчитанном на авось, рискованном подходе к делу”.

Нарушая партийную дисциплину, он пересек грань дозволенного. Раскованность и смелость Черчилля стали восприниматься в высших кругах консервативной партии как предательство. Это политическое противостояние предопределило переход Черчилля к противостоящему политическому лагерю – к либералам. 31 мая 1904 года Черчилль пересек разделяющий правящую партию и оппозицию коридор и сел рядом с Дэвидом Ллойдом Джорджем: рядом оказались два самых ярких британских политика XX века.

Один из хорошо знавших сэра Рендольфа наблюдателей сравнивал сына с отцом: “(Уинстон) удивительно похож на отца по манерам и повадкам, а также по общему умственному настроению. Вот он только что возвратился после игры в поло – невысокий плотный молодой человек с огоньком в глазах, в высшей степени напоминая Рендольфа двадцать лет назад ... Есть нечто трогательное в верности, с которой он продолжает дело отца”.

Изменение Черчиллем партийной принадлежности вызвало множество малоприятных для него комментариев. Из Америки Кокрейн прислал карикатуру, где Черчилль изображен в виде назойливой осы, пытающейся приблизиться к лидеру либералов Кемпбелл-Баннерману. “Почему не упростить ситуацию хладнокровным объявлением, что вы в любом случае не примете предложения войти в либеральный кабинет, если таковой будет создан новым парламентом? Такая декларация произвела бы эффект взорвавшейся бомбы, эхо отозвалось бы по всей империи и осколки ранили бы ваших противников?” Но Черчилль как раз стремился войти в кабинет (в случае победы либералов на выборах) и готов был преодолеть на этом пути любые препятствия.

Премьер Бальфур подверг сомнению характер джентльмена: “Едва ли желательно приходить в это собрание с нападками, которые одновременно и заранее подготовлены, и отличаются своей резкостью... Если обвинитель готовится заранее, то обвинения должны быть более обоснованны, если же имеет место безудержная резкость, то тогда мы имеем дело с заведомо злыми чувствами”.

Чувствуя, как посуровел окружающий мир, Черчилль пережил период черной меланхолии. Ему казалось, что жизнь уходит, ускользает бесцельно, не принося позитивных результатов, без яркой карьеры – ведь он уже прожил две трети пути, который судьба отвела (по времени) его отцу. Черчилль снимал стресс игрой в поло летом и охотой в окрестностях Бленхейма зимой. Чтобы лучше понять рок наследственности, он решил написать биографию своего отца.

Биография сэра Рендольфа вышла в январе 1906 года, как раз перед всеобщими выборами, и получила прекрасную прессу. Более всего обозреватели оценили неожиданную для них степень беспристрастности автора, при всей явной сыновней любви. Автор не стал привносить в текст “осовремененные” характеристики лиц, активных в эру его отца, он словно писал для будущего и не хотел видеть на своих страницах злобы дня. Так легко было нанести дополнительный удар по Бальфуру и Джозефу Чемберлену, с которыми Черчилль враждовал в текущий момент, но он этого не сделал. Это был дополнительный аргумент в пользу общей оценки историками и политиками Уинстона Черчилля как превосходящего “талантами своего блестящего, но невротического отца”. Книга укрепила его общенациональный статус.

Если верхние слои читали его книги, то нижние слушали его – росла его слава как оратора. “Манчестер гардиан” писала накануне выборов: “Если бы мистер Черчилль брал по шиллингу с каждого своего слушателя, он несомненно собрал бы за последние две недели целое состояние”. Дженни: “Я никогда не видела такого воодушевления”. Газета “Манчестер гардиан” объясняла его успех прежде всего “легкостью изложения и подлинным красноречием”.

У молодого политика не было особых моральных угрызений по поводу смены партийных знамен, партийную лояльность он не считал абсолютной ценностью. Он полагал, что политические партии важны в том смысле, в котором лошадь важна для всадника. Член кабинета Дж.Гардинер писал о Черчилле в 1911 году: “Партии служат ему в качестве инструмента”. Не зря Черчилль любит слова поэта А.Поупа : “Не давая клятвы никому, я не принадлежу ни к какой секте; а стоит разразиться шторму – я стучусь в любую дверь”.

(Послужной список Черчилля иллюстрирует эту мысль. Между 1901 и 1904 годами он – молодой мятежник в рядах консервативной партии. В следующее десятилетие – период доминирования либералов на национальной арене – он входит в руководство либеральной партии. Когда либералы вступили в коалицию с консерваторами, Черчилль между 1917 и 1922 годами стал невольным коллегой консервативных политиков. Либеральная партия терпит поражение и в 1924 году Черчилль возвращается в консервативную партию. Бесплатно это не проходит. На протяжении значительной части своей политической карьеры он чувствовал недоверие к себе. В одном из писем конца 20-х годов Черчилль жалуется, что “консерваторы никогда не любили меня и не доверяли мне”. Взаимная неприязнь оканчивается разрывом в 1930 году, что сделало Черчилля снова, как и в годы политического ученичества, “партийным мятежником”. Примирение с руководством консерваторов происходит лишь с началом второй мировой войны).

Итак, партийные доктрины не особенно волновали Черчилля, но он высоко ставил лояльность по отношению к тем, кто признавал его талант. Так было в 1905-1922 годах, когда ему покровительствовали лидеры либеральной партии Асквит и Ллойд Джордж, так было в середине 20-х годов, когда ему стали покровительствовать руководители консервативной партии во главе со Стенли Болдуином. Стоило Невиллю Чемберлену в 1940 году призвать его на пост премьера и Черчилль до последнего защищал даже этого дискредитированного историей политика.

Открытое пренебрежение партийным политиканством бросалось в глаза. Как пишет английский историк А.Дж.П.Тейлор, “Черчилль был государственным деятелем, а не политиком. Большинство входит в политическую жизнь, начиная со скромного уровня и вырастает в государственных деятелей по мере продвижения по служебной или политической лестнице. Черчилль пришел в политику с верха. Его отец был канцлером казначейства и во многом благодаря ему консервативная партия приобрела более демократический характер. Сам Черчилль сразу же вошел в среду членов кабинета министров или тех, кто вскоре стал членом кабинета. Он стал министром в тридцать один год. Он никогда не был заднескамеечником и никогда не старался предстать покорным и смиренным членом какой бы то ни было политической партии. По существу он был одиночкой – ни тори, ни либералом, ни аристократом, ни демократом, он был государственным деятелем по имени Уинстон Черчилль”. Этот деятель чувствовал свое превосходство, он хотел стоять у штурвала государственного корабля, а не ломать копыя в теоретических спорах.

Сам Черчилль был простодушно откровенен в определении желаемого: “Все, чего я хотел, так это согласия с моими мнениями после разумного обсуждения”. Благо или несчастье пестовать таких политиков? Все зависит от времени и обстоятельств, Ллойд Джордж так выразился о младшем коллеге: “В момент чрезвычайной опасности такие люди должны быть полностью использованы. Если за ними бдительно наблюдать, они могут дать больше пользы, чем легион посредственностей”.

* * *

Летом 1907 года Черчилль посетил Восточную Африку, посылая репортажи в “Стренд мегезин”. Из столицы Кении он писал: “Каждый белый в Найроби – политик; большинство из них – лидеры партий”. Сафари он начал с охоты на единорога. Затем пересек озеро Виктория на пароходе и вступил в Уганду, одиннадцатилетний король которой казался величественным правителем на фоне суетящегося с новой игрушкой-фотоаппаратом британского министра. Губернатор Уганды Белл глубоко за полночь не мог покинуть заместителя министра (потому что тот из ванной диктовал своему секретарю меморандумы и репортажи), испытывая противоречивые чувства: “С ним трудно иметь дело, но я не могу и не любить его... Он видит окружающее в “грандиозном освещении”. Исследуя возможности железнодорожного сообщения в Центральной Африке, Черчилль пересек саванну между Угандой и верховьями Нила. Как большинство белых своего времени он считал, что прямые лучи экваториального солнца сугубо вредны его расе и кутался с головы до ног. Но даже тропическое солнце не помогало (секретарь свидетельствует), “поток его словоизвержения не иссякал”. До Хартума они доплыли на пароходе, а в январе 1908 года возвратились в Лондон. Статьи и репортажи составили книгу “Мое африканское путешествие”, которая укрепила популярность автора. Черчилль достаточно отчетливо видел возможность расового конфликта на Юге Африки, он пессимистически смотрел на будущее экономическое развитие черного континента, в различных его частях он предсказывал “практические эксперименты в государственном социализме”.

В африканском путешествии Черчилля сопровождал набор книг о социализме. Социальное развитие все больше входит в сферу его интересов. В начале 1906 года Черчилль написал рецензию на книгу Эптона Синклера “Джунгли”, описывающую чикагские скотобойни. “Эта книга, – писал Черчилль, – заставит задуматься и размышлять даже тех, кто никогда не анализировал основания общества”. Только срочное реформирование может спасти индустриальное общество от взрыва. “Я придерживаюсь того мнения, что государство должно взять на себя задачу обеспечения резервуара незанятых рабочих. Я очень сожалею, что мы не взяли железные дороги страны в общественные руки. Мы могли бы больше сделать с каналами... Государство должно взять на себя заботу о больных и пожилых, и прежде всего о детях. Я предвижу в будущем установление минимальных уровней жизненного обеспечения и работы”.

Особенный упор Черчилль делал на формирование молодого поколения: “Не ужасно ли то, что наша система образования бросает на произвол судьбы юношей и девушек в возрасте четырнадцати лет – именно в том возрасте, когда они должны получить навыки, чтобы стать хорошими ремесленниками и специалистами? Но сможет ли всеобщая и обязательная система технического и среднего образования отделить умных от умелых, умелых от просто трудолюбивых? Где та лестница, которая вела бы от начальной школы до университета?” Именно в свете этого интереса к социальным проблемам недавно ставший премьером от либеральной партии Герберт Асквит предложил ему в апреле 1908 года пост главы Совета по торговле, ответственного за социальное развитие. Черчилль в тридцать три года стал самым молодым за предшествующие пятьдесят лет членом кабинета.

* * *

На начало века падают первые серьезные сомнения англичан в пользу отстояния от двух европейских коалиций (России и Франции против тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии). Динамизм и мощь Германии начинают явственно превосходить “сердечный союз” русских и французов. Смотреть безучастно на нарушение европейского баланса значило теперь подвергать себя опасности изоляции от континентальной Европы, попадающей

в сень германского могущества. Германия при этом отбросила всякую осторожность, она считала наступивший век своим. Наследники Бисмарка отказались даже от словесной сдержанности, они открыто посягнули на мировое лидерство.

Империалисты, а в их числе и Черчилль, были искренне удивлены тем потенциалом враждебности в отношении Британии, который выявился на европейском континенте в ходе Бурской войны. Британская элита не забыла бури восторгов по поводу побед буров, проявленных особенно шумно в Германии. Все мастерство британской дипломатии было задействовано, чтобы нейтрализовать неприятные новые факторы. Как последний компромиссный шанс последовала попытка Джозефа Чемберлена достичь взаимопонимания с Германией. Но тевтонское высокомерие оказалось беспредельным и компромиссные усилия были отставлены. Три столетия возвышения Пруссии породили касту военных и политиков, договориться с которыми оказалось невозможным даже мастерам компромисса из Лондона. В Берлине ошибочно полагали, что британский правящий класс рано или поздно осознает неумолимость поступи истории, перемещения в Германию центра европейского развития. Британия, считал кайзер и его окружение, должна стоически перенести неизбежный упадок, плыть против течения истории остров не сможет.

Не приглушая, а напротив, повышая тон, внук королевы Виктории – кайзер Вильгельм Второй заявил, что будущее Германии лежит в мировых океанах. Впервые за столетие англичанам был брошен открытый вызов. И никто не мог оставить равнодушным проект дороги Берлин-Багдад, по которой германские войска могли легко выйти к Персидскому заливу. Тевтонское высокомерие заставило англичан прийти к выводу, что в складывающейся обстановке наличие союзников лучше, чем их полное отсутствие. Система “блестящей изоляции” изжила себя.

К этому времени у Черчилля уже сложилась своя система взглядов на политику империи, над которой никогда не заходило солнце. Он пришел к выводу, что основная линия водораздела в мировой политике на рубеже веков сместилась, она лежала уже не между Россией и Англией (как это было в XIX веке), а между новой ведущей силой континента – Германией и “владычицей морей” Англией. Этот важный поворот во внешнеполитическом видении Черчилль совершил без агонии, на которую были обречены политики старой школы, все еще видевшие фокус мировой политики в афганском Гиндукуше, где Британская и Российская империи безрезультатно пытались штурмовать Афганистан.

Особое впечатление на англичан производила решимость немцев “завоевать после суши океан” – построить океанский флот. Отныне решения Британии в области строительства и размещения военно-морских сил исходили из того обстоятельства, что на континенте растет соперник. Прежде Лондон руководствовался правилом, что английский военно-морской флот превосходит объединенные флоты двух других сильнейших военно-морских держав (в конце XIX века это были Франция и Россия). Если Германия намеревалась создать флот, превосходящий английский, то и масштабы морского строительства расширились соответственно. При этом рациональность “блестящей изоляции” становилась для Англии сомнительной. Между 1900 и 1905 гг. министр иностранных дел Ленсдаун пришел к безусловному выводу о пагубности столетней традиции неучастия в военных союзах. Пассивное восприятие происходящего могло обернуться конечной зависимостью.

Вначале в Лондоне пришли к выводу, что союзника следует искать за пределом Европы. Ленсдаун склонялся к выбору Соединенных Штатов, к заключению оборонительного союза с этой бывшей английской колонией, которая к этому времени стала первой индустриальной державой мира. Но многие обстоятельства препятствовали такому союзу. Одним из этих препятствий было противодействие американских ирландцев, которые ненавидели Англию, виновную в порабощении их родины. У Англии имелись значительные противоречия с Соединенными Штатами, прежде всего в Латинской Америке. Да и американцы отнюдь не стре-

мились к союзу с прежней метрополией, они твердо руководствовались заветом президента Вашингтона: «Отстоять от обязывающих союзов с европейскими странами». Все это делало формирование союза с США проблематичным.

Встретив трудности, Ленсдаун обратился к Японии. В 1902 году Лондон подписал договор с Японией. Этот договор ослабил угрозу английским позициям на Тихом океане. Но союз с Токио, действенный как преграда России и Азии, мало что значил в критическом месте – в Европе. После немалых колебаний, будучи прижатым к стене объективными обстоятельствами, исполненный страхов перед завтрашним курсом Берлина, Ленсдаун начал процесс сближения с Парижем.

Вначале британская дипломатия предложила французам образовать тройственный союз с Японией. В качестве приманки предлагалось совместными усилиями решить марокканскую проблему. Но французская дипломатия отвергла английские предложения. Для нее безусловно важнее был союз с Россией, только он обеспечивал ей выживание в случае конфликта с Германией. Однако поражение России с войной с Японией в 1904-1905 гг. привело к тому, что Германия почувствовала себя еще более свободно в Европе. Ослабленная Россия стала менее значимым противником. Теперь континентальное преобладание Германии было безусловным, и она могла с еще большей энергией обратиться на моря, где ее главным конкурентом являлась Британия.

В этих обстоятельствах решающий шаг в сближении с Антантой был сделан при наследнике Ленсдауна в министерстве иностранных дел – сэре Эдуарде Грее. Если немцы высокомерно учили «англосаксонских собратьев» урокам истории, то их соседи французы согласны были на любую дипломатическую комбинацию, которая обезопасила бы Париж. Начало компромиссу было положено в колониальной сфере – в 1904 году англичане дали французам свободу рук в Марокко, а те им в Египте. В 1906 году Грей заключил с Францией тайное соглашение (которое не было известно даже многим членам кабинета министров) о том, что, в случае нападения Германии на Францию, Англия поможет Франции и России, находившимся между собой в оборонительном союзе с 1892 года. Возможно, толчком для решения Грея было поведение Вильгельма II, внезапно появившегося в марте 1905 года в Танжере на территории, на которую много лет претендовала Франция. Это сразу же вызвало франко-германский спор и обозначило возможность конфликта в Европе. Это событие высветило авантюризм германского кайзера и трансконтинентальный размах его притязаний.

Именно в этой обстановке происходило формирование внешнеполитических взглядов Уинстона Черчилля. Первый выход на арену мировой политики был связан с тем, что в декабре 1905 года премьер Кемпбелл-Баннерман предложил ему пост заместителя министра по делам колоний. Этот пост требовал углубленного понимания основных процессов европейской и мировой политики еще и потому, что министр колоний – непосредственный шеф Черчилля – Эдджин заседал в палате лордов, и на Уинстона Черчилля, самого молодого заместителя министра, падала задача объяснить и защищать колониальную политику Англии перед членами палаты общин. (Лорд Эдджин прежде был вице-королем Индии, а его отец управлял в свое время Канадой).

В те времена министерство колоний было, безусловно, одним из наиболее важных министерств. Каждый год в министерство поступало примерно пятьдесят тысяч донесений со всех концов земного шара. Черчилль попал в сердцевину управления гигантской империей. У него уже была репутация «спешащего молодого человека», теперь следовало проявить государственную рассудительность. Проявить свои лучшие качества Черчиллю было не так просто. Премьер-министр его недолюбливал, как и большинство правящей элиты. Он видел в нем прежде всего амбициозную одиночку, не передоверяющую собственную фортуны никому.

Черчилль активно участвовал в окончательном урегулировании отношений с бурами, он способствовал созданию Южно-Африканского союза. Возможно самым большим событием

этого периода была колониальная конференция 1907 года. Сразу же после начала ее работы стало ясным, что это последняя подобная конференция, которую можно созвать в Лондоне – силы самоуправления и сепаратизма внутри колоний и доминионов росли довольно быстро. Черчилль осознал значимость дезинтеграции империи довольно быстро. Для замедления процессов самоутверждения следовало ослабить внешнюю угрозу империи извне. Именно с этой целью англичане начали в 1907 году процесс разрешения противоречий с Российской империей. Вторым стимулом сближения с Россией было возвышение в Европе Германии.

Подобно многим англичанам, Черчилль воспринимал немцев как дальних расовых родственников крестьянского характера, готовых на большие жертвы, но грубых и примитивных. В войне с Людовиком Четырнадцатым и с Наполеоном германские союзники показали себя слабой опорой, ненадежными союзниками. Объединение Германии не сразу вызвало опасения Лондона – ведь на страже острова стоял великолепный флот.

Черчилль впервые увидел молодого германского кайзера в возрасте шестнадцати лет – в лондонском Хрустальном дворце. Поразительной была униформа императора: “Шлем из яркой меди венчался белым орлом шестидюймовой высоты. . . полированная стальная кирасса и безупречная белая униформа с высокими сапогами”. Он лично встретил кайзера Вильгельма II в сентябре 1906 года на маневрах в Силезии. Молодой Черчилль хотел составить собственное впечатление о том, в какой мере растущее германское влияние в Европе представляет собой угрозу стабильности на континенте, грозит ли оно вытеснением Британии с места мирового лидера. Германский военный атташе в Лондоне фон дер Шеленберг сообщил Черчиллю, что тот приглашен как личный гость его величества, что ему нужна униформа и что офицер будет ожидать его в Бреслау. Трудности Черчилля заключались в овладении немецким языком (“я не выучу этого зверского языка до тех пор, пока кайзер не придет маршем в Лондон”). Но он в типичном для англичан того (и нашего) времени духе полагал, что каждый культурный человек в Европе должен знать английский.

Черчилль так описал появление кайзера Вильгельма Второго : “Он въехал на великолепном коне во главе эскадрона кирасир, на нем была белая форма, на голове шлем, его окружали со всех сторон короли и принцы. Легионы шли перед ним и казалось, что этой процессии не будет конца”. На Черчилля произвела впечатление германская армия (“массивная простота и сила”), а также выучка и взаимодействие частей во время маневров. Черчилль написал домой : “Я благодарен Богу за то, что между этой армией и Англией лежит море”. О своей беседе с кайзером Черчилль написал своему шефу – министру колоний : “Я около 20 минут разговаривал с ним на обеде после парада. Он был очень дружелюбен и безусловно является восхитительной личностью”. Беседа касалась восстания туземцев в германской Юго-Западной Африке. Черчилль высказал понимание колониальных затруднений немцев и проводил параллель с британской Южной Африкой. Кайзер Вильгельм пытался польстить молодому английскому политику: престиж Черчилля известен мол в Германии. (Кайзеровское правительство старалось привлечь часть правящего класса Англии на свою сторону. Этим, видимо, объясняется данное и повторное приглашение, которого удостоится Черчилль летом 1909 года. Черчилля называли при штабе императора “его высочеством” и оказывали ему всевозможные почести).

В своих мемуарах Черчилль, благодарный за внимание, все же не смог удержаться от критики национального эгоизма кайзеровской Германии: “Ах, эти по-глупому упорные немцы, работающие так напряженно, думающие всегда глубокомысленно, хвастающие своим богатством. Посредине своего восхитительного успеха вы собственными руками разрушили основание своего процветания”. У Черчилля складывается собственное представление о немецком характере: “Эти люди удивительно педантичны, но все, что выходит за пределы “нормы” – все, что не признано официально, приводит их в страшное расстройство. Среди нас так много оттенков мнений и характеров. Здесь же существует только черное и белое (это цвета Пруссии)”. При всем этом Черчилль предостерегает от недооценки германской мощи. Она

произвела на него впечатление “ужасной машины, марширующей по 35 миль в день. Эти солдаты оснащены самыми современными видами оружия”. Но Черчилль еще верил, что избежать войны между владычицей морей и хозяйкой суши можно. Он рекомендует английскому королю демонстрировать миролюбие – дружественные отношения английского короля с германским императором сослужили бы службу Великобритании на данном этапе.

Согласно историческому анализу Черчилля, Британия начала непосредственно ощущать давление Германии весной 1909 года, когда первый лорд адмиралтейства Маккенна выдвинул программу строительства шести дредноутов – огромных линейных кораблей, обосновывая свое требование фактом быстрого строительства германского флота (результат принятия в Берлине военно-морского закона 1908 года). Черчилль в то время еще скептически думал о возможности конфронтации в Европе и его не очень волновали инициативы Маккенны. Но премьер-министр поручил ему детально сопоставить военно-морские флоты Великобритании и Германии, исходя как из их нынешнего состояния, так и из перспектив их будущего развития.

Черчилль не верил, что немцы секретно строят дредноуты в обход официально принятых законов о флоте, и думал, что в 1912 году (“наиболее опасным году”, как уверяли адмиралы) у Великобритании еще будет значительное превосходство на море. Но им был признан факт того, чего в Англии не ощущали примерно 100 лет – возникновения угрозы национальной безопасности страны.

С какой целью Германия строит свой великий военно-морской флот? Может ли Британия спокойно смотреть на это строительство? Черчилль говорил, что Германия ошибается, видя в Англии пацифистское общество, не способное больше платить за свое мировое влияние. Агрессивная германская политика привела к тому, что три величайшие державы на земле оказались антагонизированными. Две из них – Франция и Россия – сомкнули свои ряды, чтобы выстоять против Германии на полях наземных сражений, а третья держава – Британия – не согласилась отдать лидерство в военно-морских вооружениях. Часто бывшие врагами и воевавшими между собой Британия, Россия и Франция ощутили общность судеб. У них появился общий противник, у них появились основания для сближения.

Фиксируя изменения в английской политике, канцлер германской империи Бетман-Гольвег записал в своем дневнике: “В 1909 году Англия твердо встала на сторону Франции и России, преследуя свою традиционную политику противостояния сильнейшей континентальной державе; реализация Германией военно-морской программы изменила направление английской политики... Англия стала видеть угрозу в укреплении германского флота и в нарушении статус-кво. Сильные слова были сказаны с обеих сторон. Атмосфера стала холодной и горизонт заполнили тучи недоверия”.

Продвигаясь к участию в главных делах государства, Черчилль открыто искал больших задач. Его административные возможности были уже продемонстрированы, но противники обвиняли его в неуравновешенности, ставили в вину “нестабильность”, что затрудняло допуск его к высшим должностям. И все же Черчилль нашел выход. Точнее, он нашел поклонника своего таланта, который стремительно занимал руководящее место в либеральной партии. В апреле 1908 года этот покровитель – Герберт Асквит сменил умирающего Кемпбелл-Баннермана на посту премьер-министра. Он поднялся на вершину английской политики, пройдя большую дорогу. Асквит, -полагает Ллойд Джордж, -”завоевал пост премьера исключительно благодаря блестящим талантам и большим заслугам. Ни один премьер-министр в истории за исключением Гладстона и Дизраэли не обладал более глубоким умом. У Асквита не было ни титула, ни богатства, которые могли бы ему помочь в его карьере.” Добавим, что Асквит был оптимистом по натуре, его знаменитая фраза “Подождите и вы убедитесь” отражала его уверенность в себе и оптимистический темперамент. Быстрый интеллект и способность убедительно сгруппировать свои мысли делали его эффективным политическим борцом.

Последовала общая перегруппировка, новое поколение вышло на политическую арену. Ллойд Джордж занял место Асквита – стал министром финансов, а Черчилль занял прежний пост своего уэльского друга, стал президентом Государственного совета по торговле. Этот пост не совсем нравился Черчиллю (ему ближе была внешняя и военная политика), но он стал министром и членом одного из наиболее блестящих британских правительств двадцатого века. Это правительство включало в себя Эдварда Грея как министра иностранных дел, Ричарда Холдейна (реформировавшего армию) как военного министра, Реджинальда Маккенна в качестве военно-морского министра, Джона Морли как главу министерства по делам Индии. Выделялся Холдейн, человек кипучей энергии и всегдашней благожелательности. Равно талантливый и как адвокат, и как деловой человек, признанный лучшим британским военным министром после Кардвелла. (Наступит критическое время и он организует британский экспедиционный корпус во Франции, сформирует территориальную армию, создаст кадетский корпус, разработает организацию генерального штаба).

Особенное место занял сэр Эдуард Грей. У него были большие поклонники (они-то и позволили ему занять в формировании внешней политики столь независимое место). У него были и критики. Один из них – Ллойд Джордж писал: “Его прекрасные манеры и сдержанность создавали впечатление “сильного, молчаливого человека”, того кто так нравился поколению, воспитанному на Карлейле с его культом героев... Люди подобные Грею, не имеют представления о тяжелом труде простых смертных. Они считают, что тяжелый труд – занятие не для них. Люди из этого класса, достигшие вершин славы подобно Пальмерстону, Рендольфу Черчиллю, Солсбери и Бальфуру бросились в требовавшую от них значительного труда политическую борьбу и пробили себе дорогу сами, нанося удары и получая их по пути к карьере; тем самым они закалили свой характер. Сэр Эдуард Грей занял положение генерала, не участвуя никогда в боях в качестве солдата; это плохая подготовка для подлинной опасности. Все было хорошо, пока мы имели дело со спокойными временами, и все, что оставалось делать Грею, было сохранение военного облика на парадах. Другое дело, когда ему пришлось столкнуться с величайшей и губительнейшей дипломатической борьбой между народами. Политические конфликты в карьере государственного деятеля являются столь же необходимым дисциплинирующим средством, как война для военного; они закаляют политика на случай опасности”.

Войдя в богатый талантами кабинет Асквита, Черчилль жил напряженной жизнью. Для релаксации он в поместье матери Солсбери-Холле устроил себе “небесный летний дом” на вершине огромного дерева. Теперь речи репетировались речи перед птицами и листвой. Его мать была первой в высшем обществе, купившей игрушку двадцатого века – автомобиль. Страна на глазах стала уменьшаться до величины двух-трехдневного переезда.

Переменив политическую окраску, Черчилль должен был изменить и место избрания в палату общин. Таковым в 1908 году стал округ Данди, опора шотландского либерализма. Впервые Черчилль близко знакомится с округом, где велика была доля рабочего класса.

Уинстон Черчилль пересек рубеж тридцати годов и логичным было ожидать от него женитьбы. Но в этом вопросе он не был так успешен, как во всех прочих своих начинаниях. Не будет несправедливостью сказать, что Черчилль не блистал в женском обществе. Он был способен писать романтические письма, но беседа “ни о чем” была его слабым местом. Трижды ему отказывали в руке.

Он был слишком сосредоточен на самом себе и неудивительно, что неудачи воспринимались им обостренно. Дочь премьер-министра – Виолетта Асквит вспоминает об их первой встрече. “Долгое время он сидел погруженным в свои абстракции. Он повернулся, пристально посмотрел на меня и спросил, сколько мне лет. Я ответила, что девятнадцать. “А мне, – сказал он почти в отчаянии, – уже тридцать два”. После паузы он сказал задумчиво: “И все же я моложе любого министра, кто что –нибудь да значит”. А затем добавил яростно: “Проклятое безжалостное время! Мы прокляты, потому что не вечны. Каким ужасно коротким является отве-

денное нам время, в которое мы должны все вместить!” Виолетта вечером бросилась к отцу со словами, что впервые в жизни видела живого гения. Асквит хмыкнул: “Уинстон безусловно согласился бы с тобой”.

Черчилль размышлял о различиях между собой и братом – Джеком Черчиллем: “Он полная противоположность мне, он понимает женщин полностью, сразу же устанавливает с ними контакт, но он абсолютно зависим от женского влияния на мир и гармонию своего духа. В то же время я глуп и неловок в этом отношении и, соответственно, полагаюсь лишь на себя, являюсь как бы самодостаточным. Столь разные пути ведут нас обоих к одинаковому результату, к одиночеству”.

На уик-энд той недели, когда он был назначен на свой министерский пост, Уинстон Черчилль отбыл в Солсбери-Холл. Одной из приглашенных была некая Клементина Хозьер, происходившая из семьи известного офицера армии. По воспоминаниям Клементины, когда Уинстон был ей представлен, “он не вымолвил ни слова. Он не пригласил меня на танец, не пригласил вместе отужинать. Я, конечно, многое слышала о нем, но ничего хорошего. Мне говорили, что он упрямый, всегда возражает и т.п. Но в данном случае он просто стоял и смотрел прямо на меня”.

Через четыре дня Черчилль пишет: “Я возвратился сюда на ночь и день, чтобы “поцеловать руку” и не отказать себе в этом волнующем часе удовольствия написать вам о том, как понравился мне наш долгий разговор в воскресенье и что за удовольствие было встретить девушку с такими интеллектуальными качествами, с таким большим запасом благородных чувств. Я надеюсь, что мы встретимся снова и узнаем друг друга лучше, и понравимся друг другу больше”.

Мать Черчилля размышляла в эти дни о том, кому сопутствует фортуна: “Сегодня на подъеме “естественные” джентльмены. Люди прощают им недостаток осведомленности в отношении правил поведения, которые, в конечном счете, являются лишь условностями, если человек, который идет своим путем, умен и имеет то, что французы превосходно определяют как “вежливость сердца”. Эта вежливость сердца была в данном случае услышана. В церкви Святой Маргариты Вестминстера 12 сентября 1908 года Черчилль сочетался браком с Клементиной Хозьер, ставшей на всю жизнь его верным и умным другом. Редкий случай в биографии человека, живущего политикой – их любовь пережила полвека самых разных испытаний. Как Черчилль написал много позднее : “Я женился и с тех пор жил счастливо”.

* * *

Социальные проблемы стали новым полем деятельности для Черчилля. Он вырос в иной Англии, он был огражден от эксплуатации, нищеты и сопровождающих ее бедствий. Но у него было воображение и ему претило пассивное отношение к любой проблеме. Два года в Совете по торговле не были пустой тратой времени. Черчилль не произвел социальной революции, но провел в парламенте серию актов по установлению минимальной заработной платы для неорганизованных в профсоюзы рабочих, по созданию системы страхования по безработице, которая охватывала более двух миллионов рабочих в строительстве и торговле, наиболее уязвимых в случаях экономического спада. В политике вперед устремились массовые профсоюзы. Им противодействовали консерваторы, опирающиеся на палату лордов. Черчилль потребовал “честной и равной для всех конституции”, создание которой будет возможно лишь тогда, когда “вето верхней палаты будет разбито вдребезги”. Потомок герцогов сражался против своего класса, уповая не на узкие привилегии класса, а на совокупную мощь и благосостояние страны.

* * *

На похоронах Эдуарда Седьмого в 1910 году в Лондоне собрался весь цвет западной аристократии, которая уже никогда не соберется вместе. Колоссальный венок привез кайзер Вильгельм Второй. Во главе траурной процессии за гробом вели любимую лошадь покойного короля и любимого пса Цезаря. За ними следовал новый король Георг V в маршальской форме, короли Норвегии, Греции, Испании, Дании, Бельгии, Португалии, царь болгарский, брат российского императора Михаил, эрцгерцог Фердинанд австрийский, наследник оттоманского престола, бывший президент США Т.Рузвельт. Никогда больше девять королей не соберутся вместе. “Закат Европы”, – скажет позднее Шпенглер. Черчилль был частью этого мира. По воспитанию и мироощущению он был врагом всех вариаций социалистических идей. Ультразападное, фаустовское видение мира оттеняло его отношением к коллективистским ценностям: “Социализм желает растоптать богатство. Либерализм стремится ликвидировать бедность. Социализм желает сокрушить частные интересы – либерализм сохраняет их в единственном возможном виде, путем примирения их с общественным правом... Социализм атакует капитал, либерализм атакует монополию”.

Назначенный на один из важнейших постов в государстве – пост министра внутренних дел – Черчилль был озабочен тюремной реформой. (Этому способствовала виденная им пьеса Голсуорси “Справедливость”. Встреча с драматургом во многом определила его позицию в приобретаемом национальную важность вопросе). Общенациональный престиж Черчилля подвергся, однако, жестокому удару во время забастовки шахтеров в Тонипанди, когда он бросил против забастовщиков полицию и армейские подразделения. В 1911 году в ходе забастовки железнодорожников Черчилль мобилизовал 50 тысяч солдат, разместив их в стратегических пунктах железнодорожной системы страны. Офицерам был отдан приказ действовать исходя из военной целесообразности. Солдаты убили двух рабочих и будущий лейбористский премьер-министр Макдональд выступил с яростной критикой министра внутренних дел. Ллойд Джордж указал на ненужную драматизацию событий – он коснулся неистребимой черты характера Черчилля.

Черчилль подвергся разному со стороны левой прессы. Его изображали беспринципным кавалерийским офицером, готовым вытащить саблю из ножен по любому поводу. Именно в эти годы пресса и часть политиков (как лейбористы, так и консерваторы) создали тот образ Черчилля, который мешал его возвышению на национальной арене в 30-е годы. В тени остались его административные и законодательные действия, такие как реформа мест заключения, введение системы штрафов вместо небольших сроков заключения.

Черчилль справедливо указывал, что рабочая молодежь жестоко наказывается за то, за что студенты Кембриджа и Оксфорда получают лишь легкое порицание. Было создано специальное законодательство для молодежи от шестнадцати до двадцати одного года. Но эти успехи были приглушены и не получали национального признания, в то время как явное (в случае, скажем, с ухудшением положения в Ирландии) отсутствие у Черчилля тактического искусства, недостаточная гибкость, излишняя горячность, стремление к искусственному драматизму были прискорбно оттенены. В глазах многих он стал не ответственным реформатором, а преисполненным горячности эгоцентриком, беспечным, бесшабашным, безответственным.

Но в глазах других он был растущей величиной национальной политики. Уже в 1908 году Э.Грей заметил, что “Уинстон очень скоро будет неспособен – ввиду особой активности своего ума – быть кем бы то ни было, кроме как премьер-министром”. Он считал Черчилля почти гением, но видел и слабое место: “Его беда в том, что фразы правят им, а не он фразами”.

В 1908-1913 годы крепнет его дружба с Ллойд Джорджем, великим политиком своего времени. Вместе они готовили программу борьбы с безработицей и другие социальные

реформы. Благодаря Ллойд Джорджу Черчилль был принят и защищен в самых высоких советах Британской империи. В эти годы Черчилль говорил, что Ллойд Джордж “может заговорить птицу на ветке”. Происходило сближение с Эдуардом Греем. Если Ллойд Джордж был свидетелем Черчилля при заключении брака в 1908 году, то Грей стал крестным отцом его сына в 1911 году. Нередко после напряженного дня (особенно в период агадирского кризиса 1911 года) оба политика отправлялись в бассейн, где (по словам Грея) “он охлаждал свой темперамент, а я освежал свой дух”.

Недоброжелатели указывали на бюст Наполеона, поставленный Черчиллем на письменном столе. Возможно самый влиятельный член кабинета Асквита Морли сказал Черчиллю, что карьера Наполеона успехом не завершилось. Тот ответил, что перспектива завершить дни на Святой Елене его только воодушевляет.

* * *

Гарольд Макмиллан, младший современник Черчилля вспоминает об этом времени: “Большинство из нас, молодых людей в школах и университетах полагали, что и во внешней, и во внутренней политике мир еще долго будет идти по своей старой дороге. Мы были оптимистами и надеялись на постоянный прогресс в направлении реализации все более полного счастья человечества. Если даже мы испытывали скептицизм, тревожась по поводу проявлений германского шовинизма, никто из нас не имел ни малейшего представления о кошмарном мире, в который нам вскоре пришлось погрузиться”.

Последними придя к дележу колоний, экспансионисты в Германии постарались исправить эту “несправедливость”. Противясь закреплению французов в Марокко, Берлин в июле 1911 года послал канонерскую лодку в марокканский порт Агадир, что повлекло за собой целую цепь событий. Итальянцы, воспользовавшись взаимонейтрализацией Парижа и Берлина, захватили у турок Триполи. Это детонировало взрыв на Балканах среди противостоящих Турции стран. Последовали балканские войны 1912 – 1913 годов, увеличившие влияние Сербии. Мировая держава Австро-Венгрия начала опасаться усиления Сербии на Балканах. Союз России и Сербии создал в отношениях между Россией и Австро-Венгрией взрывоопасную обстановку. Германия не желала ослабления влияния Австро-Венгрии. В Берлине начали серьезно размышлять о насильственном разрешении конфликта.

События 1911 года оказали влияние и на Англию. Теперь, с высоты прошедшего века видно, как происходила трансформация взглядов крупнейших политиков британской политической арены, в частности, у двух самых молодых и талантливых – Дэвида Ллойд Джорджа и Уинстона Черчилля. В дни кризиса, вызванного агадирской провокацией немцев, Ллойд Джордж сказал банкирам Сити в Мэншн-Хаузе: “Если нам навяжут такое положение при котором мир может быть сохранен только лишь посредством ослабления позиций Британии, завоеванных в течении столетий героизмом и усилиями многих англичан, если интересы Англии окажутся затронутыми в жизненно важных сферах, как если бы она ничего не значила в общем совете наций, тогда я хочу сказать абсолютно определенно, что мир за такую цену стал бы нестерпимым унижением для столь великой страны, как наша”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.